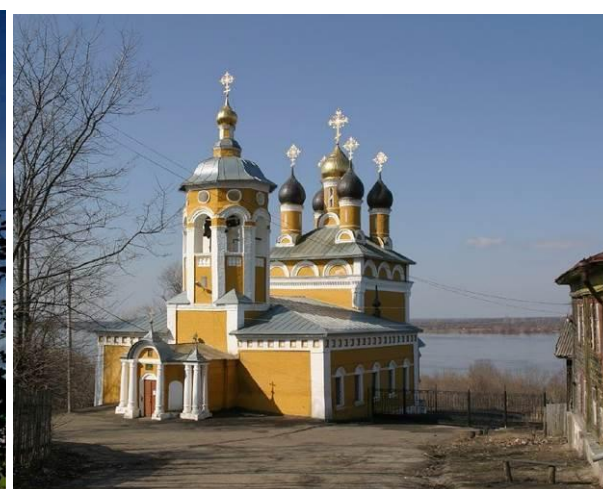

Посвящается моему близнецовому пламени М.В.Е.

В.П. КУЗЬМИНА

**МОЯ РОССИЯ. ЧАСТЬ IX-9.1
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ. МОСКВА_
МУРОМ**

02 сентября 2011 г. Пятница.

Знания – это не догма, а только очередная ступенька в бесконечном познании Мира

«Нижегородское ожерелье»

МУРОМ - ДИВЕЕВО - БОЛДИНО

3 дн./2 н. Экскурсия организована любимой турфирмой ВОКРУГ СВЕТА.

Даты проведения (2011 г.):

07-09/05 – Майские праздники; 11-13/06 – Июньские праздники;

08-10/07; 05-07/08; 02-04/09; 23-25/09; 07-09/10; 21-23/10.

А также программы:

«Нижегородская летопись»

МУРОМ - Н. НОВГОРОД - АРЗАМАС - ДИВЕЕВО 3 дн./2 н.;

«Нижегородская мозаика»

МУРОМ - Н. НОВГОРОД - АРЗАМАС - ДИВЕЕВО - ГОРОДЕЦ - оз. СВЕТЛОЯР - ГОРОХОВЕЦ - ВЯЗНИКИ 5 дн./4 н.

Программа тура:

1 день

07.30 - Отправление автобуса от м. Комсомольская. Путевая информация.

13.30 - Прибытие в Муром.

- Обед в кафе города.

14.30 - Обзорная экскурсия по городу: древний Муром раскинулся на семи живописных холмах на левом берегу Оки. С этим небольшим провинциальным городом, в котором ежедневно слышен малиновый звон колоколов Благовещенского, Воскресенского, Троицкого, Спасского монастырей и целого десятка церквей, связаны деятельность и имена более чем 20 православных святых.

- Посещение Спасо-Преображенского (мужского) монастыря, где находится длань святого Ильи Муромца, Благовещенского и Свято-Троицкого (женского) монастырей с мощами святых Петра и Февронии.

Муром хранит традиции святости семьи, как первичной ячейки общества.

- Посещение Художественного музея. Русское искусство XIX в. представлено работами К. Брюллова, К. Коровина, В. Поленова, В. Сурикова, И. Шишкина и др.

Мебельные гарнитуры, отдельные предметы мебели русской работы XVIII-XIX вв., в их числе уникальный комод павловского времени, столик-бобик времени Александра I и проч. Русский фарфор и фаянс фабрик Гарднера, Кузнецова, Попова, Императорского фарфорового завода XVIII - нач. XIX вв. Изделия из стекла и хрусталя Императорского завода XVIII - нач. XIX вв.

18.00 - Отправление в Дивеево.

20.00 - Прибытие. Размещение в ТК «Дивеевская слобода».

- Ужин в ресторане гостиницы.

2 день

- До завтрака посещение Дивеевского монастыря (по желанию).

08.00 - Завтрак в ресторане гостиницы.

09.00 - Отправление в с. Большое Болдино, где находится музей-заповедник А.С. Пушкина. В состав заповедника входят усадьба Пушкиных в Болдине с домом и парком, церковь Успения Богородицы (XVIII в.), часовня Архангела Михаила, а также усадьба сына поэта в селе Львовка и роща Лучинник, для детей открыт музей пушкинских сказок.

12.00 - Прибытие. Посещение Господского дома, где воссозданы интерьеры прихожей, зальца и кабинета поэта. В зальце можно увидеть подлинную мебель начала XIX в. Литературный раздел экспозиции посвящен творчеству А.С. Пушкина в Болдино. Экспозиция Вотчинной конторы: в одной из комнат воссоздана обстановка временного жилья поэта в 1834 г.; в другой выставлен интерьер конторы, где вершились дела по управлению имением. Экспозиция в Людской: выставка предметов быта XIX в. и выставка картин «Пушкин в памяти болдинских крестьян». Экспозиция музея пушкинских сказок: основная часть экспонатов этого музея – панно на шелку, куклы-персонажи пушкинских сказок, вышивки в традициях нижегородской старины.

15.00 - Обед в кафе в Болдино.

16.00 - Отправление в Дивеево.

19.00 - Возвращение в гостиницу.

- Ужин в ресторане гостиницы.

3 день

09.00 - Завтрак в ресторане гостиницы. Освобождение номеров.

10.00 - В селе Дивеево расположен Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь. В монастыре находятся нетленные мощи Преподобного Серафима Саровского и Преподобных жен дивеевских Александры, Марфы и Елены. *Священное предание Православной Церкви гласит, что Божия Матерь имеет на земле особые уделы - места ее преимущественного благодатного попечения. Таких*

уделов, или жребиев Пресвятой Богородицы, известно четыре: Иверия, Афон, Киево-печерская Лавра и Дивеево.

На территории монастыря есть три храма – Троицкий, Казанский, Преображенский. Вас ожидает экскурсия по территории монастыря, посещение Канавки Богородицы.

12.30 - Посещение источника Серафима Саровского (18 км).

- Возвращение в Дивеево.

14.00 - Обед в ресторане гостиницы.

15.00 - Отправление в Москву.

22.00 - Ориентировочное время прибытия к м. Комсомольская.

Фирма не несет ответственности за время прибытия в Москву в связи с увеличением транспортного потока в летнее время.

Стоимость тура, руб./чел.: 1/2 2-хмест. номера «эконом» доплата за размещение в 2-хмест. номере «стандарт» / доплата за размещение в 2-хмест. номере «комфорт» / доплата за 1-номестное размещение
9700 / 750 / 1200 / 3800

Скидка детям до 14 лет на основное место – 400 руб.

Скидка на дополнительное место в номере «комфорт» – 800 руб.

В стоимость тура входит: проезд на туристическом автобусе, проживание в гостинице, питание по программе, экскурсионная программа (включая билеты в музеи), сопровождение гидом.

Программа предлагает размещение в гостиничном комплексе «Дивеевская слобода». Он состоит преимущественно из деревянных построек, выполненных в стиле древнерусского города-крепости. Внутренняя отделка жилых помещений – стилизация под крестьянскую избу. Номерной фонд – двухместные номера «эконом» (душ, туалет, телевизор, 18 м²) и «стандарт» (душ, туалет, телевизор, 26 м²).

Инфраструктура: ресторан «Малиновый звон», кафе «Раздолье», бизнес-центр (доступ в Интернет), русская баня, охотничий домик, прачечная, химчистка, бильярд, настольный теннис.

МУРОМ

Му́ром — город в России, административный центр Муромского района Владимирской области, с 2006 года образует городской округ Муром.

Население 117,3 тыс. чел. (2010). Третий город по численности населения Владимирской области после Владимира и Коврова.

<http://www.trip-guide.ru/img/5390/14221.jpg>

Крупный железнодорожный узел Горьковской железной дороги на линии Москва — Казань.

Город расположен на левом берегу реки Оки, в 137 км от Владимира, на границе с Нижегородской областью.

<http://www.votpusk.ru/country/kurort.asp?CN=RU4&CT=RU4016>

Город Муром расположен во Владимирской области, на левом берегу реки Оки, в 137 км от Владимира. Первое письменное упоминание о Муроме относится к 862 году. Город подвергался многочисленным набегам татар. В результате эпидемии в 1570 году и начавшегося после нее голода Муром сильно обезлюдел. В Смутное время город был разорён и сожжён поляками. Лишь в XVII веке Муром постепенно возродился и вновь стал важным торговым и ремесленным центром.

С Муромом связано имя древнерусского богатыря Ильи Муромца, причисленного православной церковью к лику святых. До сих пор здесь почитаются следы, оставленные конем былинного богатыря: там, где конь отталкивался от земли, начинали бить родники, впоследствии — святые источники. А на месте рождения богатыря в селе Карачарово, которое сейчас вошло в городскую черту Мурома, был поставлен памятник Илье Муромцу.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%CC%F3%F0%EE%EC>

Название города происходит от финно-угорского племени муромá, которое впервые упоминается в Повести временных лет под 862 годом. Первым удельным муромским князем считается Глеб Владимирович. В 1088

году город подвергся захвату со стороны волжских булгар.

Св. мч. князь Михаил Ярославич Муромский

С 1097 года — столица Муромо-Рязанской земли. В самостоятельное княжество Муромско-Рязанская земля выделилась из состава Черниговского княжества в 1127 году при князе Ярославе Святославиче.

Именно князя Ярослава и его семейство историки и церковное предание отождествляют с крестившими муромскую землю святым князем Константином, княгиней Ириной, убиенным муромскими язычниками княжичем Михаилом (сын) и княжичем Феодором (второй сын).

В 1129 году после кончины князя Ярослава Святославича на муромский стол сел и был первым муромским князем его сын — Юрий (Феодор) Ярославич, а с 1143 по 1145 года — третий сын — Святослав, позже — внук — Ростислав. При князе Ростиславе Муромо-Рязанская земля распалась на Муромское и Рязанское княжества, которые окончательно обособились после смерти Святослава (1145).

В Рязани князь оставил сына Глеба. Рязанский князь Глеб Ростиславич всеми средствами боролся со своим северным соседом Ростово-Суздальским княжеством. Итогом стала победа Всеволода Большое Гнездо (1208), который пленил местных князей. С 1219 года в Рязани княжил Ингварь Игоревич, наследовал ему брат Юрий. При нём княжество подверглось опустошению ордами Батыя. Сожжённый дотла монголо-татарами, Муром в 1293 году исчезает со страниц русских летописей. Новое упоминание о нём относится только к 1351 году и связано с последним муромским князем — Юрием Ярославичем, которого в 1355 году согнал со своего престола Фёдор Глебович. **В 1392 году великий князь московский Василий I Дмитриевич присоединил Муромское княжество к Москве.**

В середине XVI века в Муроме собирались войска Ивана Грозного для участия в походах на Казань. К этому времени относится строительство в городе первых каменных храмов. С XVII века Муром становится важным ремесленным центром. Здесь трудятся искусные мастера по выделке кож, сапожники, кузнецы, ювелиры, портные и другие мастера. С того времени началась слава и муромских калачей.

В 1708 году Муром находился в составе Московской губернии, с 1778 года — уездный город Владимирского наместничества (с 1796 года — губернии). **Архитектурный облик исторической части Мурома сложился в XIX — начале XX века, так как масштабные пожары 1792 и 1805 годов уничтожили практически все старые деревянные постройки.**

Новый город застраивался по генеральному плану, разработанному Иваном Михайловичем Лемом и утверждённого императрицей Екатериной

II ещё в декабре 1788 года. План предусматривал переход от радиально-лучевой схемы застройки города к строго перпендикулярной прокладке улиц.

В результате кварталы в центре Муроме представляют прямоугольники размером 250 на 150 метров. В 1980-е сформировавшийся порядок был нарушен. По проекту главного архитектора города Н. А. Беспалова многие улицы в центре Муроме были перегорожены многоподъездными домами.

В Муроме был построен первый во Владимирской губернии водопровод. Для этого в 1863 году на пересечении улиц Рождественской и Вознесенской (сейчас это пересечение улиц Ленина и Советской соответственно) была построена водонапорная башня. Средства на возведение башни и прокладку труб дал городской глава Алексей Васильевич Ермаков — богатый купец и меценат.

В XIX веке в Муроме начали действовать чугунолитейный и механический заводы, льнопрядильная и хлопчатобумажная фабрики, в 1916 году построены железнодорожные мастерские.

8-10 июля 1918 года — белогвардейское восстание.

В советское время многие храмы города подверглись разорению, несколько приходских церквей XVI—XVII веков и вовсе снесли. В их числе оказался и доминировавший в городской застройке собор Рождества Богородицы, выстроенный по приказу Ивана Грозного в середине XVI века. 30 июня 1961 года в городе прошли массовые беспорядки, в которых участвовали свыше 1,5 тысячи рабочих завода имени Орджоникидзе. Было применено оружие, двое рабочих получили ранения, 12 отданы под суд.

5 декабря 2000 года выстрелом в голову был убит мэр Муроме Пётр Кауров. Убийцу так и не нашли. Это преступление потрясло не только город, но и всю область. Пётр Кауров возглавлял администрацию Муроме девять лет и пользовался большим уважением жителей[4]. Сейчас его именем названа муромская школа № 8.

До 2010 года Муром имел статус исторического поселения, однако, Приказом Министерства Культуры РФ от 29 июля 2010 г. N 418/339 город был этого статуса лишён.[5]

Административное устройство.

Кроме Карачарова, с 1997 года в качестве отдельного микрорайона в состав города Муроме входит посёлок городского типа Вербовский.

В 2006 году в результате реформы местного самоуправления образован городской округ Муром, в который помимо города вошли следующие сельские населённые пункты: Александровка, Дмитриева Слобода, посёлок

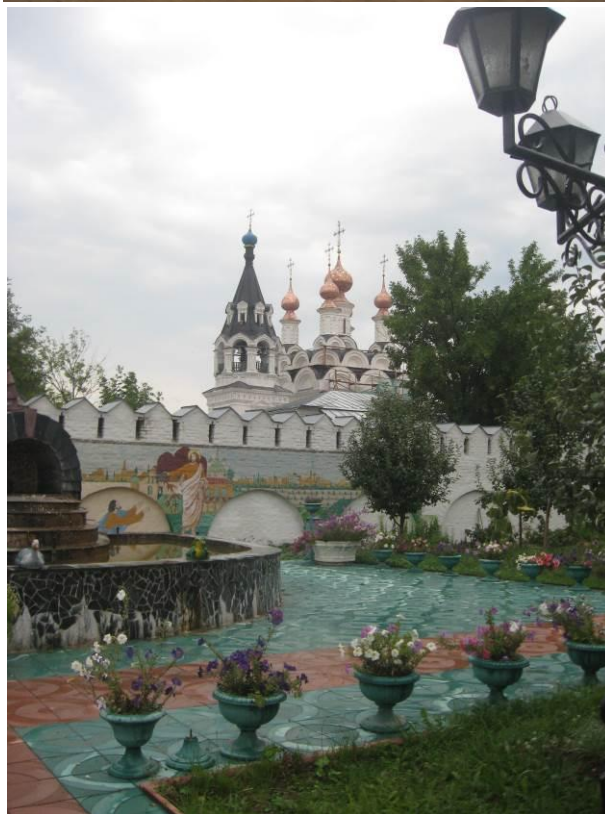
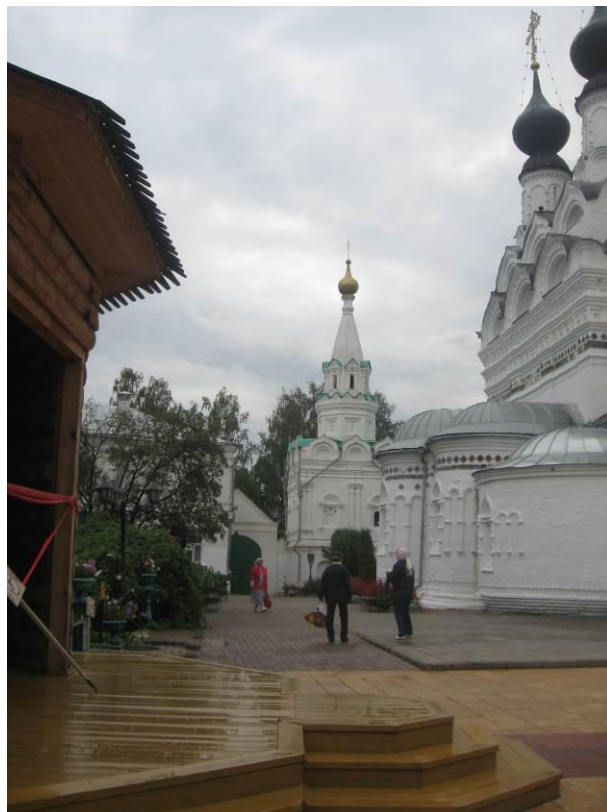
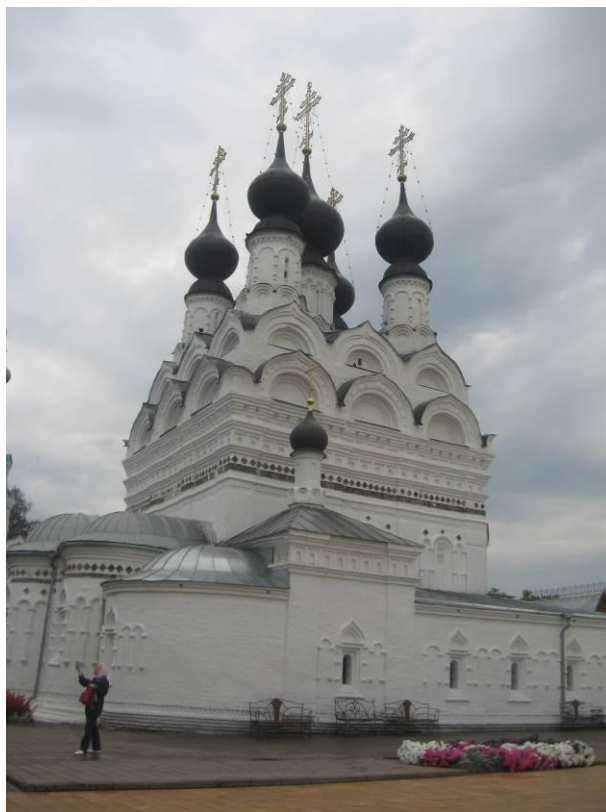
им. Войкова, Коммуна, Механизаторов, Муромский, Нежиловка, Орлово, Якиманская Слобода.

Население городского округа Муром — 131 400 человек (2006).

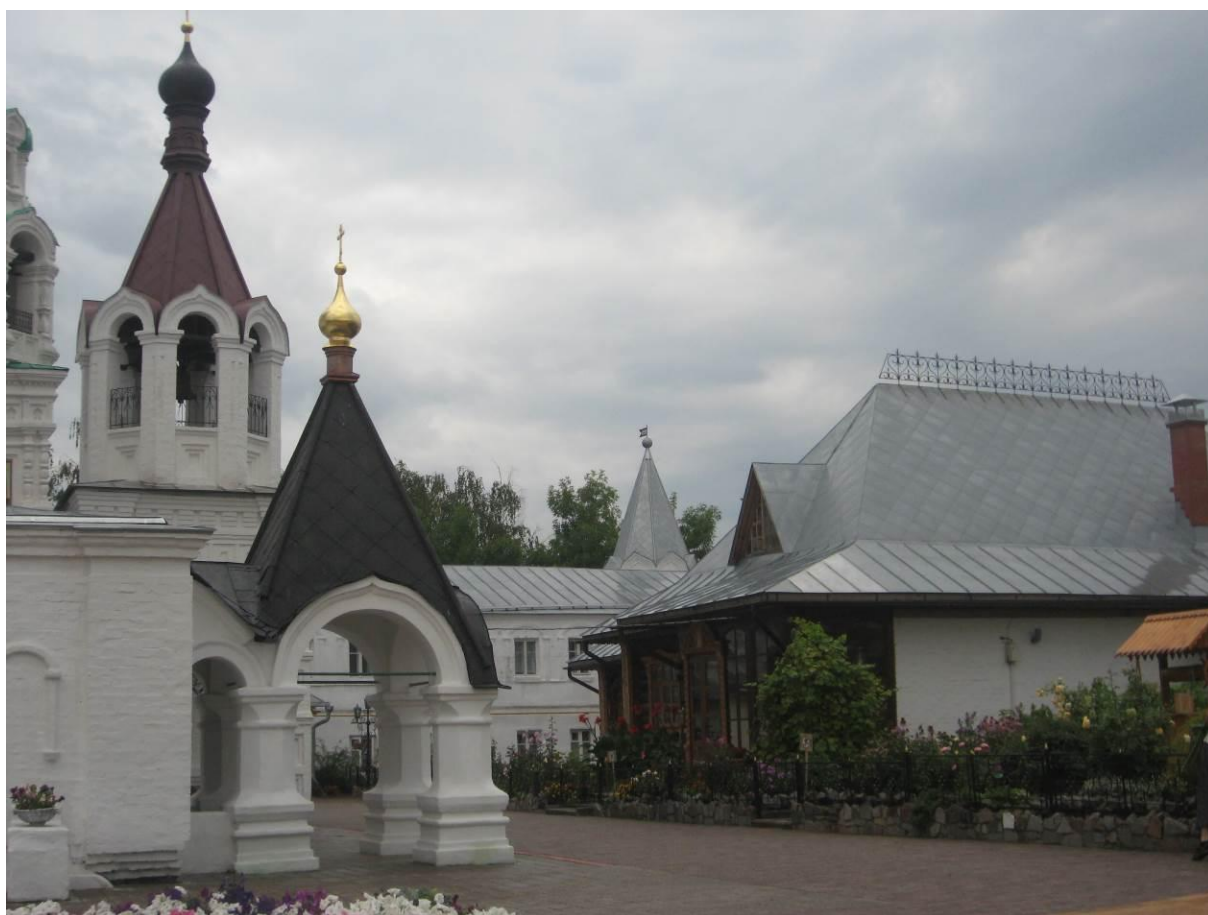
Троицкий женский монастырь был основан в 1643 году богатым купцом Тарасием Борисовым на месте стоявшей здесь ранее деревянной церкви. В этом же году был построен Троицкий собор, а в 1652 году к собору была пристроена шатровая многоярусная колокольня, составляющая вместе с собором и надвратной Казанской церковью один из самых впечатляющих архитектурных ансамблей Мурома.

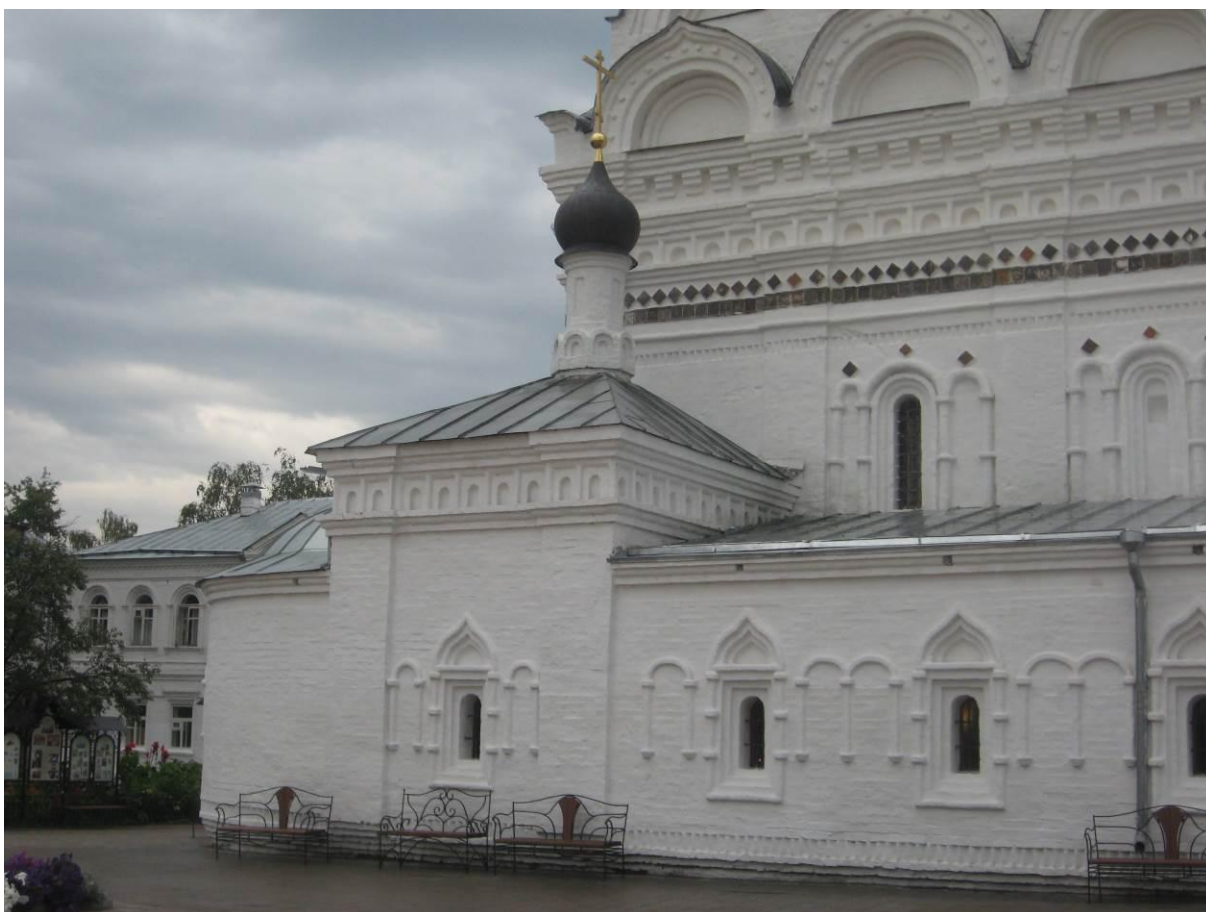
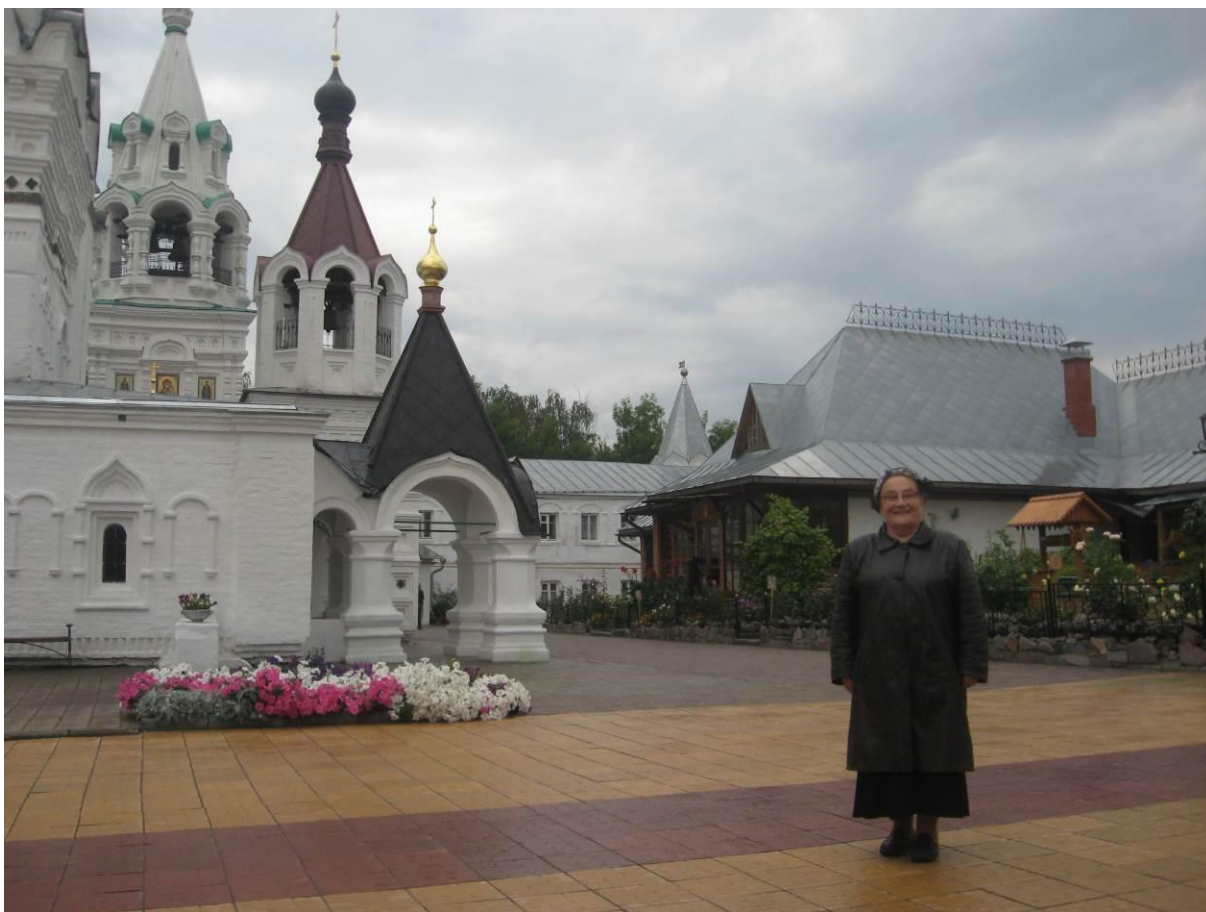
Собор выстроен в свойственном для XVII века стиле "узорочья" – его украшают многочисленные арочки, колонны, необычные окошки и цветные изразцы. Казанская церковь, как и собор, также богато украшена архитектурными деталями, изразцами и широкой белокаменной лестницей.

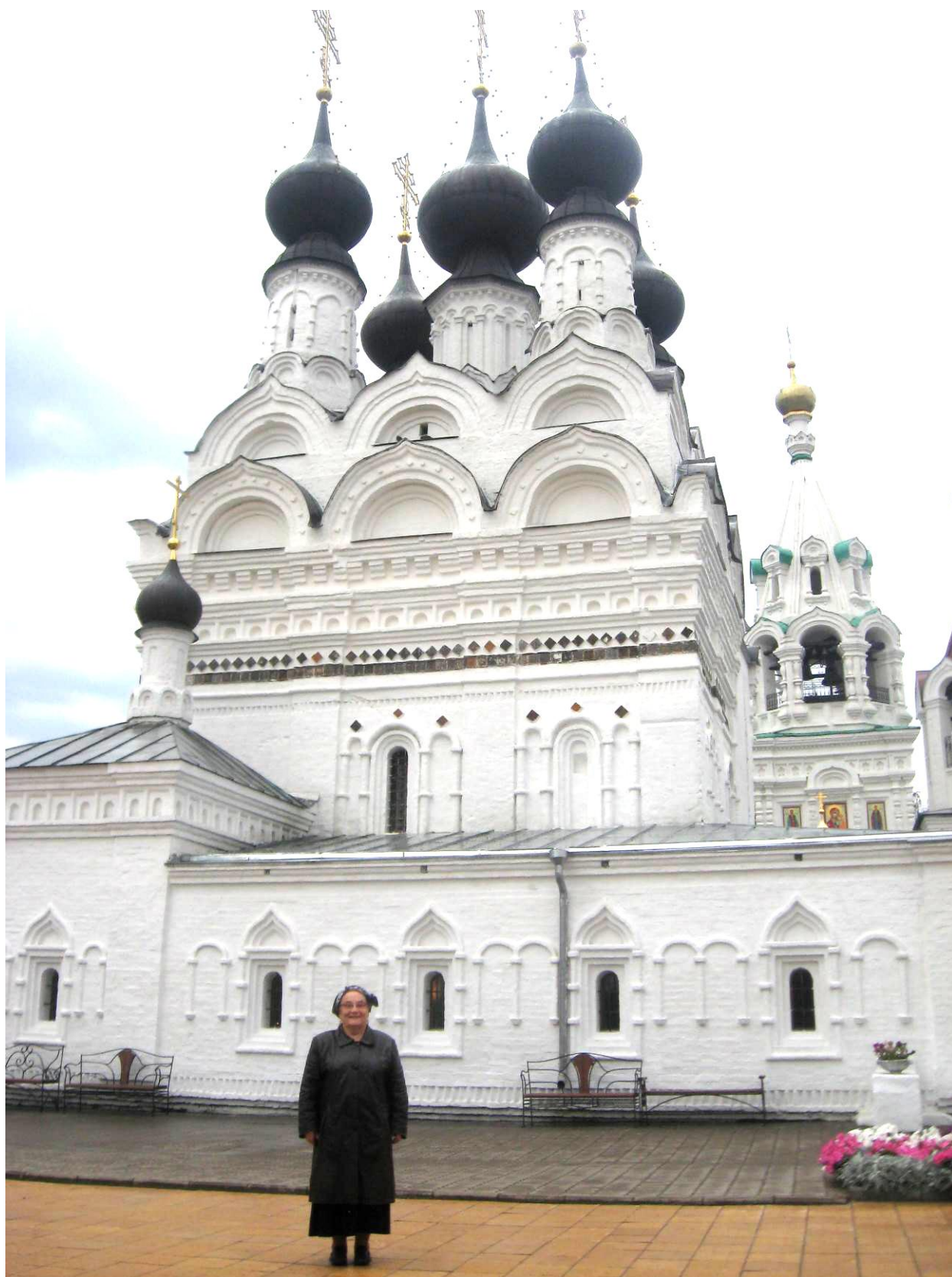

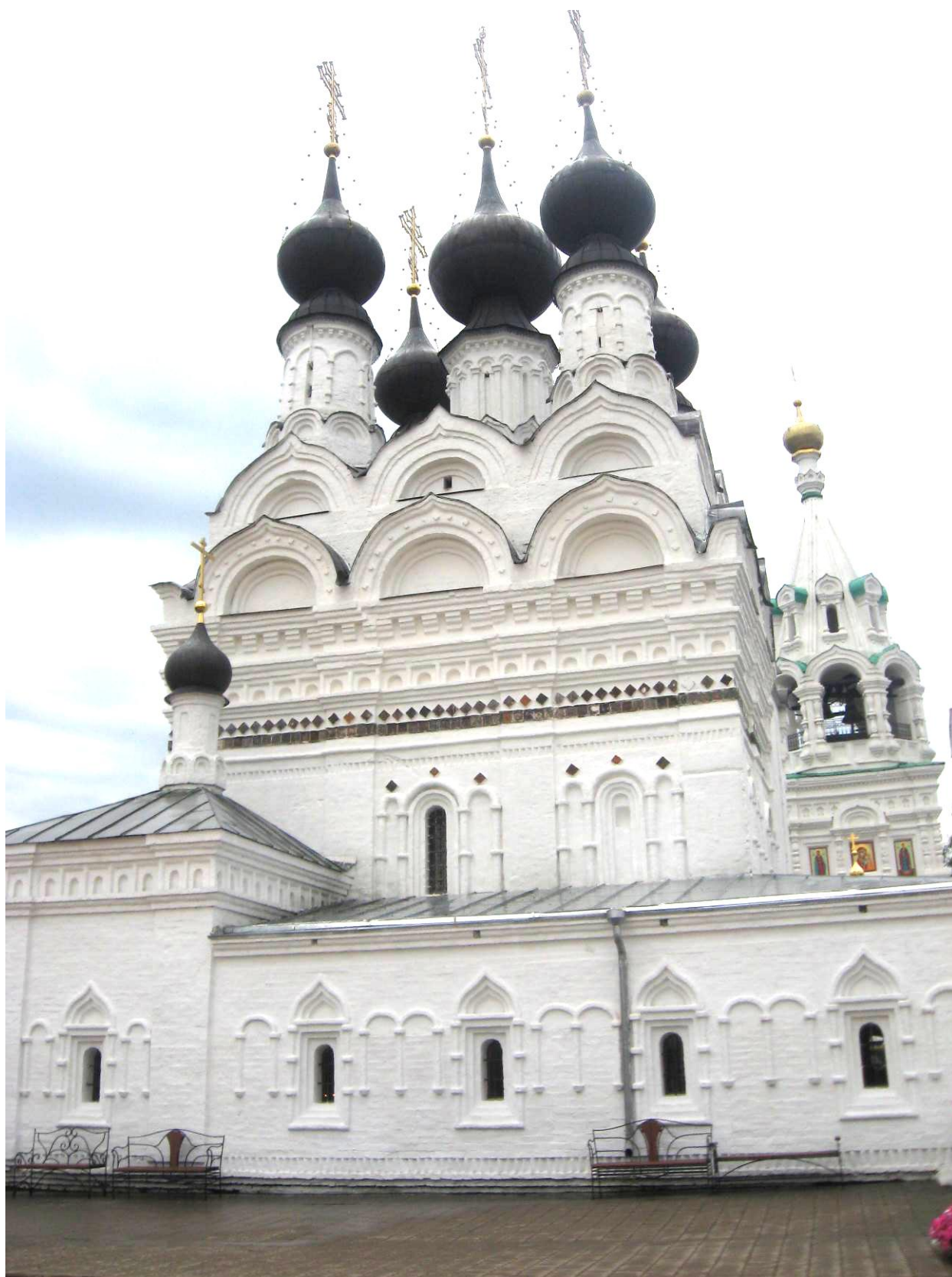

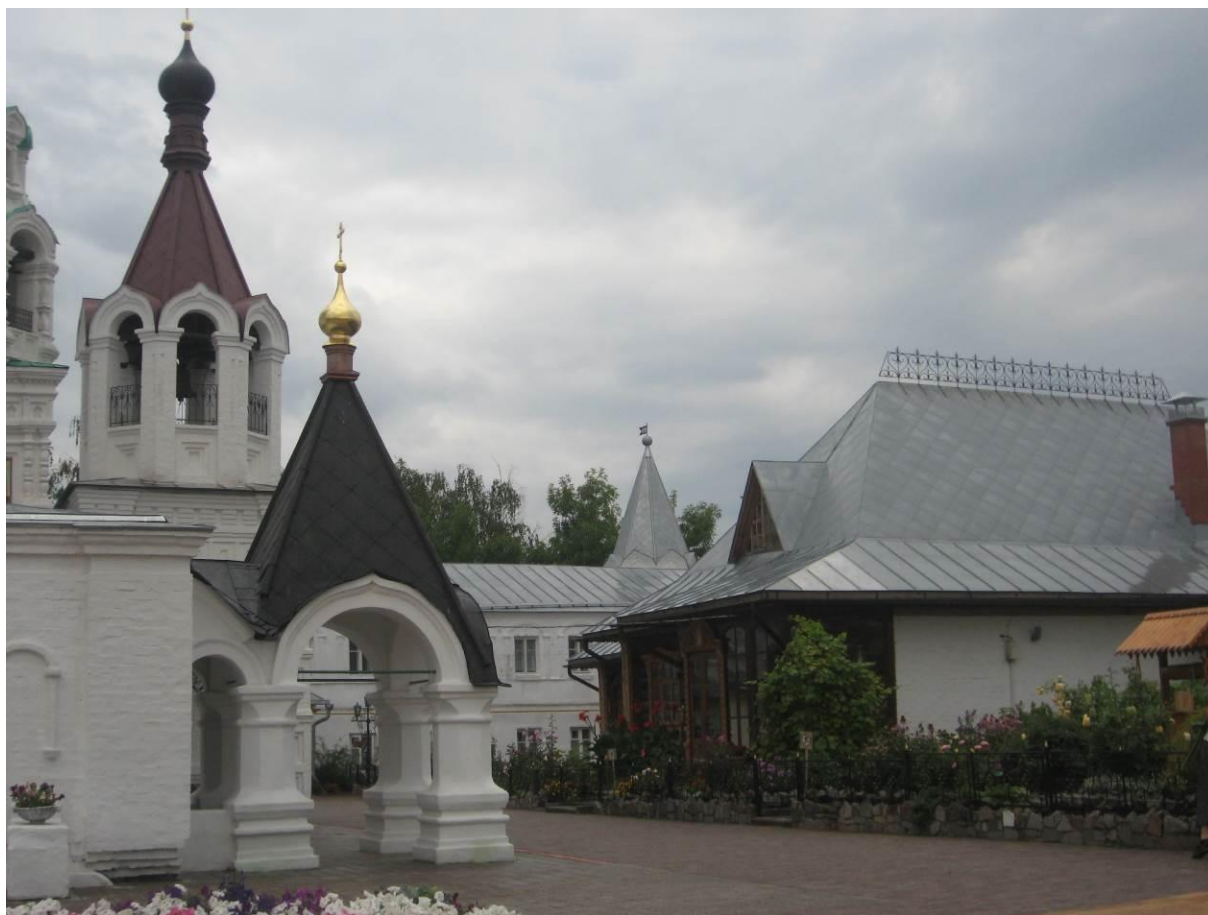

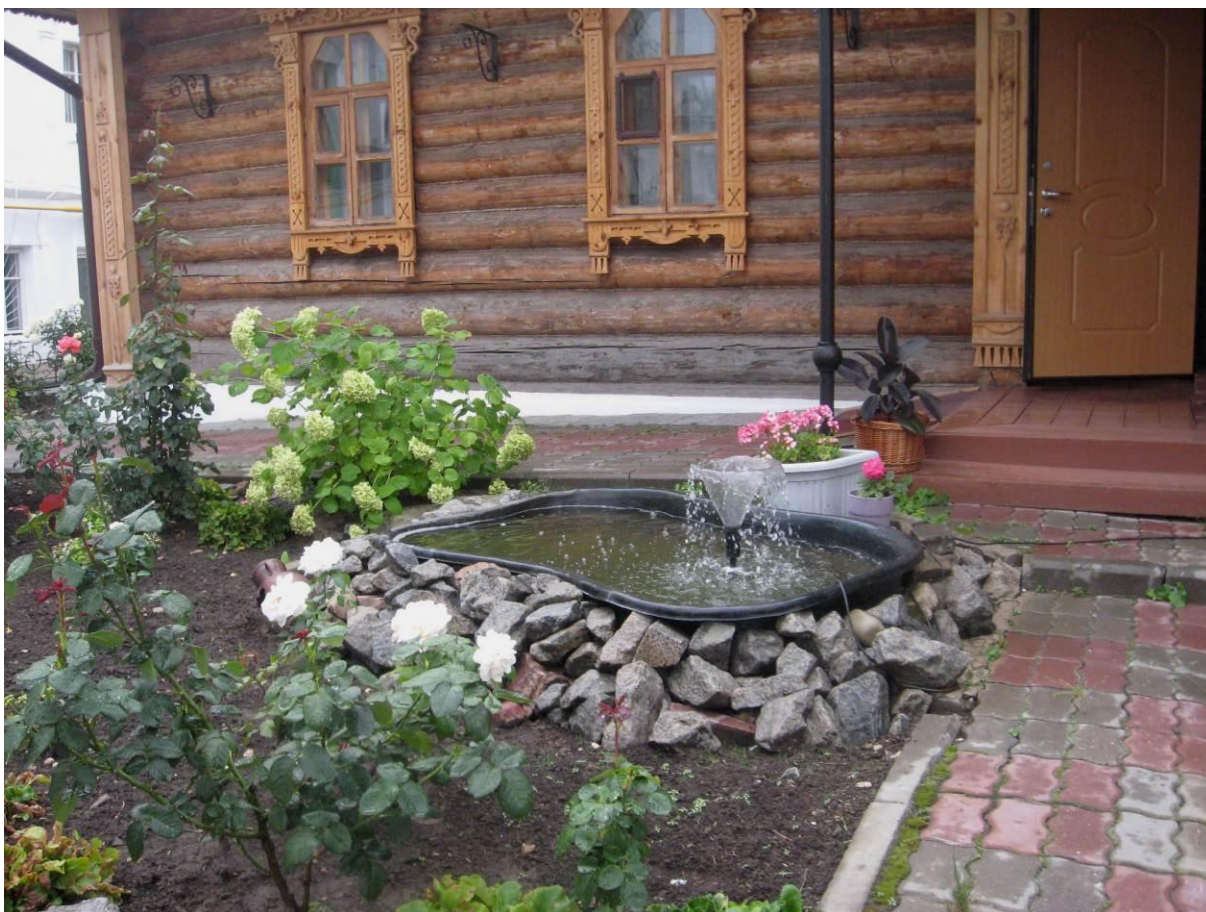

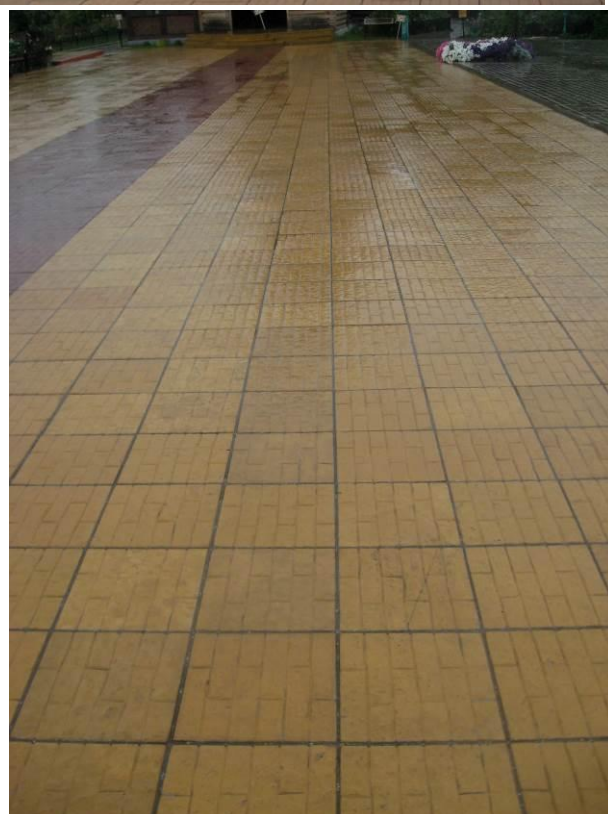

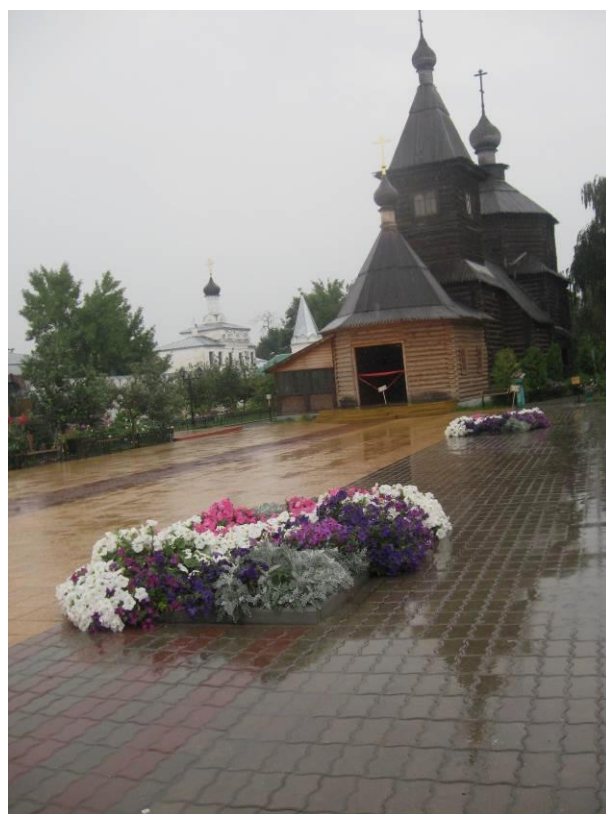
Каменное узорчье древнего русского храма подобно гармонии музыкальной симфонии. Храм излучает любовь, с которой его построили. Впечатления незабываемые!

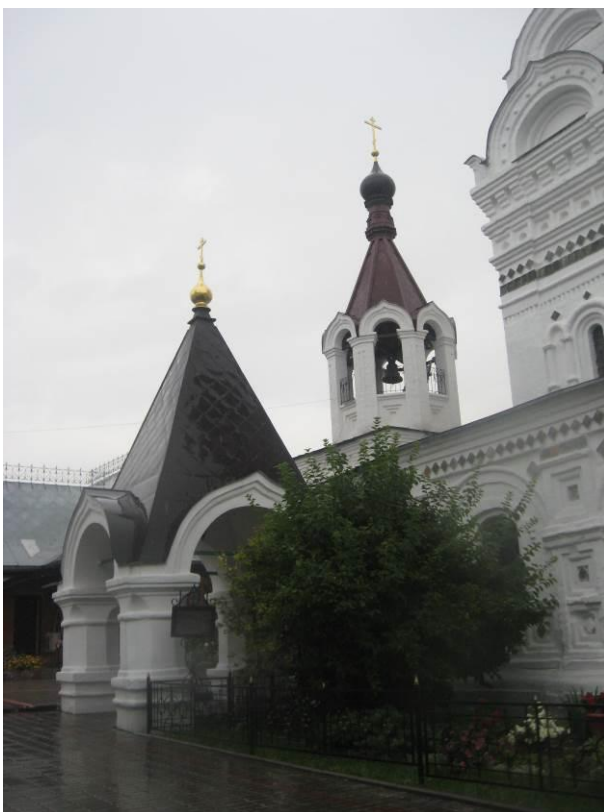

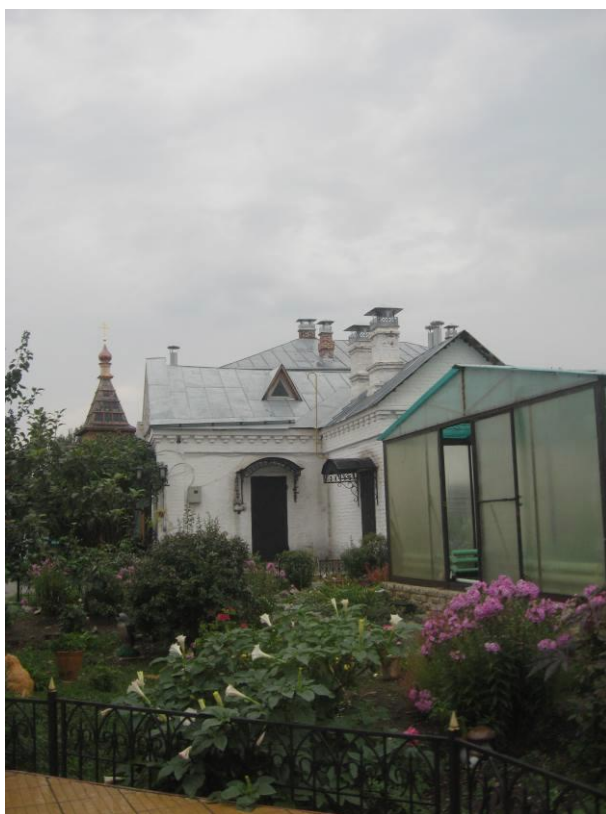
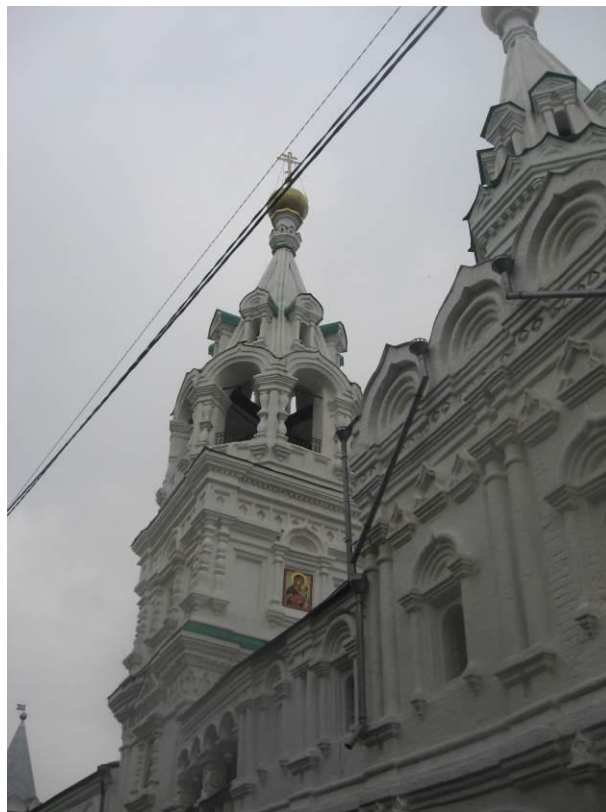

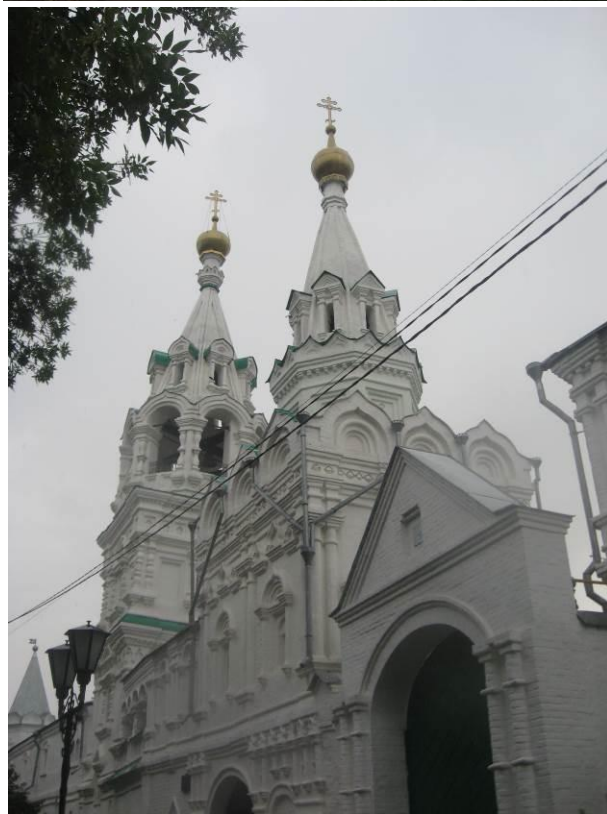
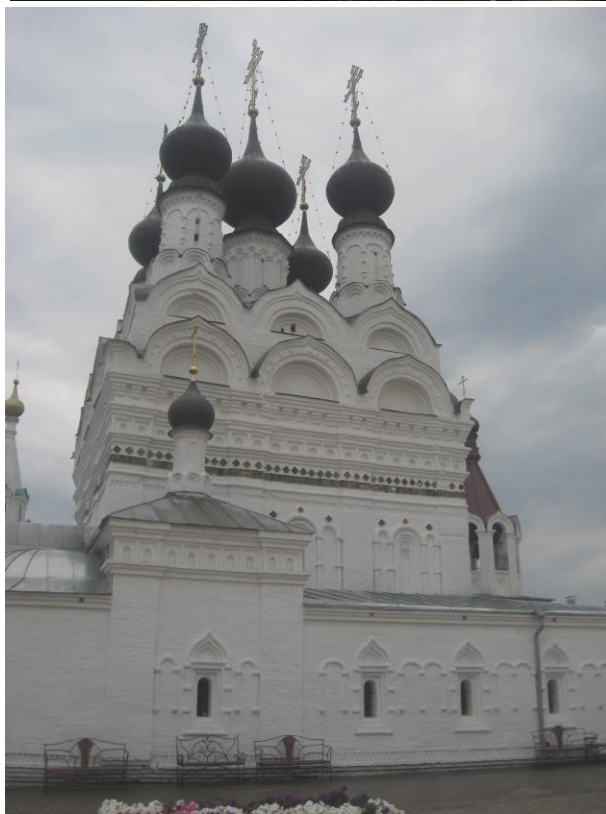

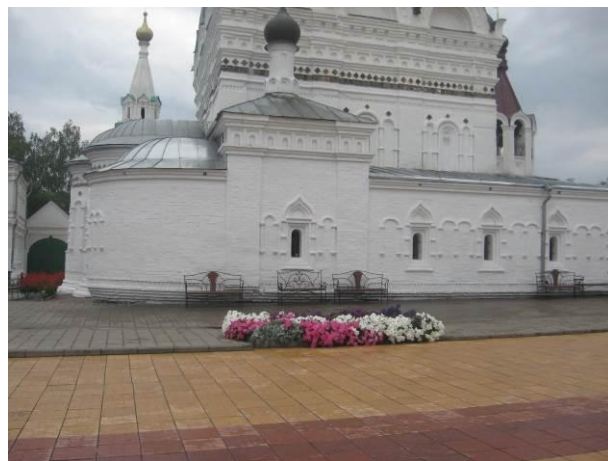
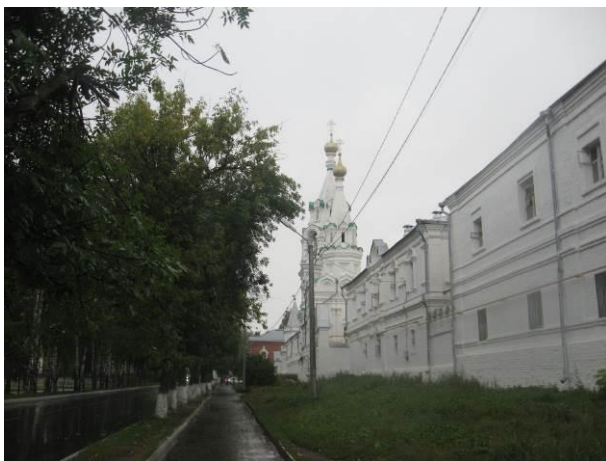

Монастырь прославлен хранящимися здесь мощами святых Петра и Февронии, покровителей любви и брака, отчего поток паломников и богомольцев не иссякает в обители.

В монастыре также сохранились стены с башнями и настоятельский корпус XVII—XIX веков. На территории монастыря находится деревянная церковь Сергия Радонежского, перенесенная сюда в 70-е годы XX века из села Глотова Меленковского района.

Благовещенский мужской монастырь располагается напротив Троицкого монастыря. На этом месте с XII века стоял деревянный Благовещенский храм, в котором хранились мощи князей Константина, Михаила и Федора, обративших население Муром в христианство. В 1547 году князья были канонизированы, а в 1552 году в Муроме по пути на Казань остановился Иван Грозный, молился о победе и дал обет в случае победы основать монастырь. Казань была взята, и царь свое слово сдержал - в 1553 году монастырь был основан. Монастырь был закрыт при советской власти, но вновь открыт для верующих в 1991 году.

Благовещенский собор начали возводить в 1553 году при строительстве были найдены гробницы с мощами князей Константина, Михаила и Федора. Они и сейчас хранятся в соборе, куда были возвращены в 1991 году из

местного музея. Над гробницами расположена икона XVII века с изображением чудотворцев. Достоин внимания и резной барочный иконостас храма конца XVIII века.

Храм сильно пострадал от польско-литовских войск в XVII веке и был существенно перестроен позднее. Особого внимания заслуживает необычное крыльцо, украшенное тремя шатрами с белокаменной резной вазой на самом верху.

Воскресенский женский монастырь находится недалеко от центра города, на Фруктовой Горе. По преданию, на этом месте находился княжеский двор свв. Петра и Февронии, мощи которых хранятся в Троицком монастыре Мурома.

Сохранились монастырская Воскресенская церковь, дошедшая до наших времен практически без изменений, и стоящая в нескольких метрах к северу Введенская церковь. Оба храма были построены в 50-х годах XVII века на средства купца Черкасова.

В 1764 году сам монастырь был упразднен, а храмы использовались как приходские церкви. В 1930-е годы закрыли и церкви, но в 1999 году монастырь был вновь открыт и сейчас здесь проводятся реставрационные работы.

Спасский мужской монастырь впервые упоминается в летописи в 1096 году. Это один из древнейших монастырей северо-восточной России. Монастырь расположен на высоком берегу Оки и долгое время выполнял оборонительную функцию. В 1918 году был закрыт, на его территории находился сначала завод, потом военная часть. В 1995 году монастырь возвращен церкви.

По легенде, монастырь был построен на месте двора святого Глеба. В 1096 году здесь был похоронен сын Владимира Мономаха – Изяслав, убитый при обороне монастыря.

Пятиглавый Спасо-Преображенский собор был основан по указу царя Ивана Грозного после взятия Казани. Это одно из древнейших сохранившихся зданий города. Собор неоднократно подвергался перестройке и дошел до наших дней со многими изменениями. В храме хранится привезенная в XIX веке со Святой горы Афон чудотворная икона Божией Матери - «Скоропослушница», почитаемая далеко за пределами Муромской земли.

В Спасо-Преображенском соборе есть Придел Ильи Муромца. Рака с дланью Ильи Муромца. Богатырь земли русской прославился своей победой над Соловьём-разбойником. Кто же это Соловей-разбойник, конкретное историческое лицо или собирательный мифический образ?

http://vtitan.ru/velikie_zagadki_istorii/pravda_o_solove-razboynike.html

...Выезжал из города из Мурома удалой казак Илья Муромец. Отстояв заутреню во Муроме, он к обедне поспешал в стольный Киев-град. Но, заросла дорожка прямоезжая. Тридцать лет по ней проходу и проезду нет: не пускает никого Соловей-разбойник. Как засвистит злодей по-соловьиному, как заревёт он по-звериному, как зашипит он по-змеиному — сразу тёмные леса к земле клонятся, а что есть людей — все мертвы лежат...

Дальнейшее мы знаем с детства. Илья Муромец всё-таки одолел Соловья, привёз его в Киев, показал боярам и князю Владимиру, поначалу не поверившему рассказу о поимке знаменитого и страшного разбойника, а затем казнил его. С тех пор за Ильёй установилась слава главного богатыря и защитника Руси. В образе же его противника народ выразил своё резко отрицательное отношение к силам, мешавшим единству русских земель.

Однако большинство из нас и не подозревает, что Соловей-разбойник — самый таинственный персонаж русского фольклора.

Правда, ныне такие оценки не в ходу. Если некоторые исследователи прошлых лет откровенно признавали Соловья фигурой загадочной, то любой современный автор, толкуя образ Соловья, вольно или невольно создаёт у читателей впечатление, что в основном науке тут уже всё понятно. Однако, стоит лишь узнать, сколько таких истолкований имеется к сегодняшнему дню, чтобы убедиться: Соловей-разбойник по-прежнему загадка.

Попытаем и мы свои силы в её разгадке. Для начала выясним, что рассказывается о Соловье-разбойнике в былинах.

Казалось бы, чего проще: бери сборник былин, отыскивай среди них нужную и... На деле, однако, задача куда сложнее. Любая былина, как и всякое фольклорное произведение, существует во множестве вариантов. Например, тот хрестоматийный текст, по которому мы знакомимся в детстве с сюжетом о Соловье-разбойнике, отражает лишь одну из более чем ста записей былины про Соловья, делавшихся с середины XVIII в. вплоть до недавнего времени.

С помощью соответствующих методик исконный «костяк» сюжета о Соловье-разбойнике прорисовывается довольно отчётливо. Но вот беда: сам образ при этом понятнее не становится. Очень скоро мы обнаруживаем, что вынести из былины чёткое представление о Соловье-разбойнике в принципе невозможно.

«Его натура как-то двоится...» — отмечал выдающийся учёный XIX в. Ф.И. Буслаев. Само имя персонажа позволяет представить его и птицей, и человеком. Прямых описаний внешности Соловья былина не даёт, его облик

раскрывается только в действии, и на протяжении всего сюжета Соловей-разбойник поворачивается к нам, то птичьей, то человеческой стороной.

При встрече с Ильёй Муромцем Соловей восседает в «гнезде» на дубах. (Разные варианты говорят о трёх, семи, девяти, двенадцати, сорока дубах, но конкретная цифра в данном случае несущественна; важно лишь, что деревьев, подпирающих гнездо, много.) В нашем сознании возникает образ гигантской птицы. Завидев Илью, Соловей пытается погубить его своим смертоносным свистом. Неизбежно возникающая при этом параллель со свистом реального соловья усиливает впечатление, что речь идёт о пернатом чудовище.

Даже богатырский конь Ильи не устоял на ногах от звуковой атаки. Сам богатырь, однако, неуязвим. Метким выстрелом из лука прямо в глаз Соловью он сбивает его с дубов. Привязав противника к седлу, Илья Муромец продолжает свой путь в Киев. Дорога лежит мимо жилища Соловья. Члены семьи разбойника глядят в окошко, и сперва не могут разобрать: то ли Соловей везёт незнакомого мужика, то ли мужик — Соловья.

Значит, Соловей тоже умеет ездить на коне? С нашим персонажем произошла неожиданная метаморфоза. «Будучи побеждён богатырём, он как бы сбрасывает с себя нечеловеческие, фантастические формы», — пишет фольклорист Б.Н. Путилов. В дальнейшем Соловей-разбойник уже ничем не напоминает птицу.

У него, как у состоятельного человека, «широк двор», «высок терем», «палаты белокаменные», а также вполне человеческая семья: жена, дочери, сыновья, зятья. Он отговаривает домочадцев от попыток отбить его у Ильи Муромца, затем, в Киеве, гордо разговаривает с князем Владимиром, по некоторым вариантам даже требует себе чару вина, чтобы смочить запёкшиеся уста. Наконец, удовлетворяя любопытство князя и бояр, он демонстрирует свой свист, отчего в стольном граде трясутся дома и падают люди. Под влиянием предшествующих эпизодов мы и в этой сцене уже склонны видеть в Соловье не громкоголосую птицу, а необыкновенно сильно свистящего человека...

Вот и попробуйте теперь понять, как выглядел противник Ильи Муромца. А тем более — изобразить его в соответствии с описанием былины.

С XVII в. получили хождение рукописные повести об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Их авторы и переписчики, естественно, адаптировали рассказ ко вкусам читающей публики, однако сохранили основную линию сюжета, а также — во многом — и былинную фразеологию. Одну из

редакций повести про Илью и Соловья вскоре растиражировали в лубочных изданиях, снабжённых серией иллюстраций. И вот что характерно: во всех иллюстрациях нет ни малейших намёков на птичью природу Соловья-разбойника. Даже в той сцене, где, по словам сопроводительного текста, Соловей сидит в «гнезде, которое свито на двенадцати дубах», он показан обыкновенным человеком, высывающимся из кроны близко стоящих друг к другу деревьев. Иначе говоря, «просто разбойником».

На лубочных же картинках, не имевших развёрнутого повествовательного текста, Соловей и вовсе предстаёт богатырём, воином на коне. На одной такой картинке есть надпись: «Бой сильных богатырей Ильи Муромца с Соловьём Разбойником. В поле съезжаются, храбростию своею похваляются». Былинное столкновение богатыря с чудовищем похоже здесь на рыцарский поединок. Оба всадника одеты по моде начала XVIII в., оба в париках. Специалисты уточняют, что на одном всаднике мундир петровского солдата, а на другом — костюм шведского воина. Пожалуй, по фасону одежды только и можно отличить Соловья-разбойника от русского богатыря...

Эта тенденция к полному очеловечиванию Соловья тем любопытнее, что вообще-то для народного изобразительного искусства показ разных чудищ, полулюдей-полуживотных был делом привычным. На лубочных картинках, росписях бытовых предметов, тканевых рисунках той поры нам встречается и «птица Сирин» с женским ликом, и «крокодил», у которого на зверином туловище (ничуть, впрочем, не напоминающем крокодиле) голова бородатого мужика, и сказочный «Полкан-богатырь» — кентавр с мужским торсом на туловище коня. То есть кажется знаменательным, что народные художники, никогда не пасовавшие перед изображением «гибридных» существ, для Соловья-разбойника сделали исключение. Вероятно, они чувствовали: Соловья трудно представить в виде, скажем, человека с крыльями или говорящей птицы. Он не «птичечеловек», а «то птица, то человек», и две половинки его натуры как-то противятся зримому совмещению.

Выбор был сделан в пользу человеческой ипостаси Соловья, благо и в сюжете она выражена заметно ярче.

Между прочим, так поступают и современные дети. Как правило, они рисуют Соловья-разбойника пусть страшным, даже «одичалым», но — человеком. Детское мышление в данном случае тоже не терпит двусмысленности.

«Соловей был мужик, залезал на деревья, разбойничал» — такое бесхитростное понимание персонажа предлагает нам рассказ, записанный на

Тамбовщине. А на Вологодчине столь же уверенно говорили, что Соловей был птицей. В одной карельской сказке он выступает под именем птицы Свиски; другая, тоже карельская, сказка называет его не иначе как «*rusckoi pohatteri*» («русский богатырь»). А по одной из белорусских сказок Соловей — это человек, превращённый чарами волшебника в гигантскую птицу.

Самый радикальный способ решения данной проблемы, как выяснилось, состоит в том, чтобы признать двойственность Соловья-разбойника... мнимой. Такую идею высказал в 1891 г. выдающийся отечественный филолог А.А. Потебня. К нему присоединился ряд других учёных. Суть рассуждений А.А. Потебни и его единомышленников заключалась в следующем.

Во-первых, почему имя Соловей нужно непременно считать указанием на птицу? В старину его мог носить и человек. «Употребление названий животных разного рода в качестве личных имён, — писал А.И. Соболевский, — свойственно едва ли не всему человечеству. Древняя Русь знала его издревле». То, что ныне воспринималось бы только как забавные, а порою даже обидные для их носителей прозвища, раньше служило «официальными» именами вполне уважаемых людей. Уместно вспомнить, что царская династия Романовых вела свою родословную от боярина Андрея Кобылы, жившего в XIV в. В документах XV–XVII вв. фигурируют Баран Филиппов, Волк Курицын, Овца Владимиров, Паук Иванов, Жаворонок Лазарев, Анисим Скворец, Васька Воробей, Стахей Голубь... Имя Соловей в такой компании выглядит совершенно естественным. В документах этого же периода встречаются дворянин Соловей Борщов, стрелецкий десятник Матюша Соловей Борщов, стрелецкий десятник Матюша Соловей и другие. Кроме того, косвенным признаком популярности какого-то имени в прошлом является современное бытование производной от него фамилии. «...Широкое распространение в наше время фамилии Соловьёв... — отмечал А.И. Соболевский, — кажется, достаточно ручается за частое употребление этого имени в старину».

С нашим же Соловьём дело могло обстоять очень просто. Разбойникам ведь принято давать клички. Ничто не мешает предположить, что какой-нибудь удалец «с большой дороги» получил прозвище Соловей, допустим, за особенное умение свистеть, всегда ценившееся в разбойничьей среде. Для сравнения скажем, что в окрестностях Киева бытовало предание о разбойнике Голубе, а сподвижниками Ермака Тимофеевича народная молва называла лихих атаманов Сокола и Петуха.

Что у нас осталось от птичьих признаков Соловья-разбойника? Его сидение на дубах? Но ещё в 1873 г. немецкий учёный Ф. Либрехт, обобщая данные о том, что многие «примитивные» народы устраивали себе жилища на деревьях, без тени сомнения писал: «Реминисценцией такого обычая является Соловей-разбойник, соорудивший себе гнездо на двенадцати дубах». Позднее русские исследователи «проблемы Соловья» привели другие, не менее интересные параллели. Так, одно из суданских племён укрывалось от своих врагов на ветвях эриодендронов: первый «этаж» воздушного укрепления составляло жилище с провизией и домашними животными, выше располагалась корзина для воинов. А неподалёку от Торуня (Польша) в старину был могучий дуб, знаменитый тем, что на нём какое-то время жили (!) прусские крестоносцы. Такие же факты выявились и в русской истории.

Заглянем в словарь В.И. Даля. Оказывается, у слова «кровать», помимо значения, всем нам известного, было раньше и такое: «охотничьи полати, помост на дереве, для стрельбы медведя». Подобные же «кровати», по свидетельству письменных источников, использовались и в оборонительных целях. Почему бы и разбойникам не устраивать себе наблюдательные пункты на деревьях? Для придорожных засад в лесистой местности эта мера была, пожалуй что, и неизбежной.

Вот так под рационалистическим углом зрения «таяли» все птичьи атрибуты Соловья-разбойника.

Прояснить проблему историчности Соловья-разбойника традиционным для науки путём — обратившись к письменным источникам — пока не удалось. Более перспективным оказался другой путь — рассмотрение географических данных, содержащихся в былинах.

Кратчайший путь из Мурома к Киеву в условиях Древней Руси скорее всего пролегал бы через Чернигов. Былина в этом отношении точна. Она рассказывает, как Илья Муромец, спеша в Киев, проезжает мимо Чернигова и видит, что город со всех сторон обступила вражеская рать. Богатырь не мог не прийти на выручку осаждённым людям. Благодарные черниговцы просят Илью остаться у них в городе воеводой. Но, планы у богатыря иные, он спрашивает «дорожку прямоезжую» на Киев. Тут-то впервые он и узнаёт о Соловье-разбойнике, который эту самую дорогу оседлал.

Вроде бы координаты логова Соловья обозначены: где-то между Киевом и Черниговом. Однако исследователи с редким единодушием отказывались принимать это сообщение на веру. Мешало другое, более правдоподобное указание той же былины — встреча Ильи Муромца с Соловьём-разбойником состоялась в Брынских или Брянских лесах. Во

всяком случае, наиболее вероятный маршрут поездки Ильи Муромца проходит через весь указанный регион.

Если бы мы наносили на карту путь богатыря, следуя «букве» былинного повествования, нам, пожалуй, потребовалась бы линейка, ибо из текста складывается впечатление, что Илья мчался в стольный город напрямую, через реки и озёра. Но если мы прикинем, где мог бы пролегать подобный маршрут в реальных условиях Древней Руси, нам станет ясно, что человек, спешащий из Муром в Киев, предпочёл бы проделать максимальный отрезок пути по Оке или вдоль её берега. И только там, где река круто изгибается (в районе нынешней Калуги), он вынужден был бы взять юго-западнее и ехать лесами, устремляясь опять-таки к ближайшей излучине Десны, а уж река привела бы его в Чернигов и Киев. Этот-то путь непосредственно пересёк бы сначала Брынские (в узком смысле), а затем и Брянские леса.

И ещё один немаловажный нюанс. Сегодня мимо села Брынь проходит автомагистраль, ведущая из центра России к Киеву и Чернигову, а параллельно ей тянется железная дорога. Случайно ли одна из важнейших транспортных артерий на этом участке в точности повторяет путь, описанный в былине? Если это и совпадение, то символичное. Но дело, видимо, в другом. Создатели былины знали, что кратчайший путь из северо-восточных земель в Киев лежит через Брынские леса, потому и направили туда своего героя. Наиболее рациональный маршрут выбирали позднее и строители дорог. К тому же крупные автодороги предпочитали строить по уже существующим, давно объезженным путям.

Таким образом, размещение логова Соловья-разбойника в Брынских (Брянских) лесах с историко-географической точки зрения абсолютно оправданно и может быть принято за достоверную деталь повествования.

Меж тем «брынско-брянская» привязка сюжета получала в ходе исследовательской работы всё новые подтверждения. Много интересного обнаружилось в топонимике окрестностей Брянска и соседствующего с ним города Карачева.

Например, былина говорит, что лесная застава Соловья-разбойника располагалась у реки Смородины. Эту реку поначалу считали чисто мифической и на карте не искали — как оказалось, напрасно, ибо недалеко от Карачева протекает река Смородиновка (по другим данным — Смородинная, Смородинка). А в 13 км от Карачева лежит село с не совсем обычным названием Девять Дубов. Отыскали даже Соловьёв перевоз — через Десну, в непосредственной близости от Брянска. Такое скопление топонимов,

вызывающих в памяти сюжет о Соловье-разбойнике, заставляло с особым интересом отнестись к местным преданиям.

И ожидания исследователей оправдались. 14 апреля 1890 г. газета «Московские ведомости» опубликовала корреспонденцию анонимного жителя города Карачева. Сославшись на уже известные нам «былинные» топонимы, автор далее писал: «...Местные старожилы помещики указывают даже то место, где было расположено „гнездо Соловья-разбойника“. И теперь на берегу Смородинной находится огромных размеров пень, который, по преданию, сохранился от громадных девяти дубов, около которых жил Соловей-Разбойник».

Брянские леса — это часть обширной территории, которую в период формирования древнерусской государственности населяло племя вятичей. Географическое положение земли вятичей предписывало ей стать связующим звеном между «центром» и северо-восточными «окраинами» нарождающегося государства. Однако в реальной жизни долгое время было иначе.

Наш видный историк В.О. Ключевский писал: «До половины XII в. не заметно прямого сообщения Киевской Руси с отдалённым Ростово-Суздальским краем...

Когда ростовскому или муромскому князю приходилось ездить на юг в Киев, он ехал не прямой дорогой, а делал длинный объезд в сторону». Путь обычно лежал через верховья Волги и Смоленск.

Почему же княжеские дружины так старательно огибали владения вятичей? Вряд ли причиной были только труднопроходимые дебри и болота. Ведь для купеческих караванов земля вятичей и в те годы была «проницаема». Через неё уже с IX в. проходил торговый путь, связывавший Киев с Волжским Булгаром. Поднявшись вверх по Десне, купцы волоком переправляли груз с верховья Оки, а по ней попадали в Волгу. Но то, что удавалось мирным торговцам, очень нелегко было осуществить людям, приходившим сюда с другими намерениями...

Исследователи давно обратили внимание на красноречивую фразу в «поручении» Владимира Мономаха. Перечень своих походов он начинает так: «Первое, к Ростову идох, сквозе вятичи, посла мя отец...» (князь был в ту пору ещё отроком). Слова «сквозь вятичи» — не просто уточнение маршрута; Мономах и на склоне лет был горд тем, что к Ростову он тогда шёл не окольным, а прямым путём.

Действительно, вятичи дольше и упорнее других восточнославянских племён сохраняли свою обособленность, сопротивляясь властным притязаниям киевских князей. В 966 г. князь Святослав, как сообщает

летопись, «вятичи победи... и дань на них възложи». Но, зависимость от Киева вятичи терпели недолго. В 991 г. сыну Святослава Владимиру опять пришлось облагать их данью с помощью вооружённой силы. Уже через год вятичи восстали («заратишася»). Владимир Святославич снова отправился в поход против них, снова их победил — но и эта победа не была окончательной. Ещё два раза («по две зимы») довелось воевать с вятичами Владимиру Мономаху.

По-видимому, именно ему принадлежит большая, если не решающая, заслуга в том, что сопротивление вятичей было, в конце концов, сломлено и их земля стала «проходимой». Как считает археолог Т.Н. Никольская, благодаря походам Мономаха была проложена дорога из Киева в Ростов, шедшая через Карачев, Москву и другие поселения вятичей. Вскоре появилась и дорога в северо-восточном направлении, почти совпадающая с былинным маршрутом Ильи Муромца.

Всё подталкивает к мысли, что в сюжете о первом подвиге Ильи Муромца отразилась борьба за прокладывание этой дороги. Таким образом, молодые годы Ильи пришлись бы на середину XII в.

Верны эти сведения или нет, но по другим источникам можно заключить, что слава об Илье Муромце, устные произведения о нём стали широко распространяться именно в XII в. Получается, заставка Соловья символизировала собой непокорное племя вятичей? В свете приведённых фактов эта трактовка очевидна, и её уверенно предлагали ещё учёные XIX в. Дополнительным аргументом в её пользу является известное сходство образа жизни Соловья-разбойника с бытом вятичей.

Ясно, что гипотеза о Соловье-вятиче предполагает отход от тривиального понимания этого персонажа, как разбойничьего атамана. Оправдано ли это? Г. Пясецкий и В. Никольский в «Исторических очерках города Карачева» приводили следующий довод: «Победа над простым атаманом шайки не подняла бы так Ильи Муромца в глазах могучих богатырей князя Владимира, и не снискала бы ему столько почёта и удивления в первопрестольном Киеве».

Другое дело, когда Илье Муромцу удалось доставить пленником на великокняжеский двор племенного князя вятичей, обладавшего недоступными лесами! Тогда вполне понятными становятся заслуги богатыря и восторги киевского князя, пожелавшего потешиться над униженным соперником своего могущества». Соображения, в общем-то, разумные; однако следует учесть, что «мера вещей» в эпосе не всегда совпадает с реально-исторической, а Соловей-разбойник, как раз и наделён эпической, невысказанной для реального человека мощью.

Куда более существенно в данном случае другое обстоятельство, также отмеченное исследователями. Дело в том, что типичных для разбойника действий Соловей не совершает. Говоря словами академика Б.А. Рыбакова, «Соловей — не обычный разбойник на большой дороге, который живёт за счёт проезжих торговых караванов, наоборот, он — жестокий и неразумный домосед, владелец земли, не позволяющий ездить через его леса».

Специфичность поведения Соловья-разбойника ярче всего проступает на фоне другого былинного сюжета — о встрече Ильи Муромца с шайкой разбойников-станичников, которые, как и положено «настоящим» разбойникам, хотели его ограбить, но получили надлежащий отпор. Деятельность Соловья являлась разбоем скорее в общегосударственном, нежели криминальном смысле, так что искать в ней отголоски политических баталий Древней Руси вполне оправданно.

В конце XIX в. В.Ф. Миллер, будущий академик, обратил внимание на деталь, мимо которой проходили учёные как до, так и после него. Курьёзно, но и сам Миллер, увлечшись позднее изучением исторической основы былин, в том числе и былины о Соловье-разбойнике, к своему наблюдению уже не возвращался. А жаль. Оно способно стать тем кончиком нити, потянув за который, можно постепенно распутать если и не весь клубок загадок образа Соловья, то, во всяком случае, его немалую часть.

Вот над чем задумался Миллер: «Илья, по-видимому, не желает убить Соловья, а между тем пускает ему стрелу в глаз — в одно из самых уязвимых мест. Былины говорят даже, что стрела вышибла Соловью правое око с косицею или вышла в левое ухо, за тем, казалось бы, должна последовать немедленная смерть. Это стрельание в глаз, однако, без цели убить, представляется нам странным». Противоестественность ситуации, добавлю, почувствовал не только учёный.

Несколько исполнителей былины, а также переписчиков повести о Соловье-разбойнике, сделали одну и ту же примечательную ошибку. Они сообщили, что Илья Муромец убил Соловья при первой встрече, хотя далее в их текстах разбойник, как ни в чём не бывало, разговаривает, свистит и т. п. Столь сильной оказалась подсознательная уверенность, что богатырский выстрел в глаз должен быть смертелен...

Разгадка этого парадокса, найденная Миллером, проста и правдоподобна.

«Нам кажется, — писал он, — что в стрельании именно в глаз нужно видеть survival (пережиток. — Авт.) того сказочного мотива, что для некоторых чудовищных или вообще исключительных существ смерть возможна под условием поражения только одного определённого места на

теле». Действительно, в эпосах народов мира единственным уязвимым местом противника главного героя иногда является глаз. Но, даже если соответствующий мотив в былине знаменовал собой лишь богатырскую меткость стрельбы и ничего больше, всё равно выстрел в глаз предполагает смерть, и, таким образом, В.Ф. Миллеру удалось нащупать в сюжете былины о Соловье-разбойнике след другого, более старого сюжета с несколько иной логикой противоборства.

Опираясь на это наблюдение, можно представить себе следующее. Как и у других народов, у восточных славян издревле существовало сказание о победе некоего героя над мифологическим чудовищем. Выехал этот герой на схватку с непобедимым прежде врагом, выдержал его атаку и убил стрелой в глаз. Не исключено, что завершалось сказание так же, как и некоторые другие прозаические тексты: герой разрубил тело грозного Соловья на кусочки, и они превратились в безобидных соловьёв.

Позднее древний сюжет использовали для создания былины на куда более актуальную тему борьбы за целостность Русского государства. Героя сделали крестьянином из Муромской земли, его противник Соловей стал олицетворением сепаратистов-вятичей, был добавлен эпизод с освобождением Чернигова.

Короче и упрощённо говоря, былинный Соловей-разбойник — это миф, одетый в исторические одежды, и фантастическая сущность образа сложилась в недрах мифологии. Посмотрим теперь, что способен прибавить к пониманию его анализ с этих позиций.

Безусловно, правы те, кто возводит сюжет о Соловье к общеиндоевропейскому мифу о борьбе со Змеем, изначально — воплощением опасных для человека природных сил.

Змей обычно летает. У Соловья-разбойника такая способность подразумевается, хотя в сюжете он её не реализует. В отличие от Змея у Соловья только одна голова (иначе и мотив поражения в глаз лишился бы смысла), но отсутствие змеиной многоглавости своеобразно компенсировано множеством дубов, на которых сидит Соловей. Самый явный общий признак — тяготение того и другого персонажа к реке, которая в сказках тоже зовётся Смородиной. После убийства сказочного Змея на героя часто нападает змеиха; этот мотив, вероятно, послужил импульсом к созданию соответствующего эпизода былины, когда кто-то из родственников Соловья (как правило, дочь) пытается отбить его у Ильи. Есть и другие параллели, вкупе не оставляющие сомнений в «змеиной» родословной Соловья-разбойника.

Для нас теперь важнее всего определить, восходит ли звуковое оружие Соловья к каким-то способностям Змея. Поначалу такая связь не просматривается. Восточнославянский Змей может проглотить человека, угрожает спалить его огненным дыханием, вбивает — непонятно чем — своего противника в землю: от свиста Соловья-разбойника всё это очень далеко. Правда, перед боем Змей и богатырь заняты не совсем обычным делом: они выдувают ток, площадку для битвы. «Змей как дунул — где были мхи, болота, стало гладко, как яйцо, на двенадцать вёрст».

Этому тоже можно было бы не придавать особого значения, если бы не постоянные указания на радиус действия Змеиногo дуновения, заставляющие вспомнить, что Соловей-разбойник «бывал свистом за двенадцать вёрст» (конкретное расстояние, как и в сказках про Змея, варьируется).

Впрочем, и это ещё зацепка частная, мало что доказывающая. Ощущение настоящего «попадания» возникает при обращении к шуточной сказке о споре Змея (в позднейшей версии — чёрта) с человеком: кто сильнее свистнет? Змей свистнул так, что полетели листья с деревьев, а человек едва устоял на ногах; когда настал его черёд, человек велел Змею закрыть глаза, а сам что есть силы «свистнул» по нему дубиной — и глупый Змей признал своё поражение в споре. Наконец-то мы встретились со змеиным свистом (в основе которого легко распознаётся гиперболизированное шипение змеи), причём его последствия тождественны некоторым эффектам свиста Соловья-разбойника.

Попытаемся понять, как возник этот сюжет. Он входит в цикл коротеньких сюжетов о состязании человека со Змеем (чёртом, великаном и т. п.), в своих истоках отчасти пародирующий «серьёзное» змееборство. Если сказочный богатырь, воюющий со Змеем всерьёз, действительно может поспорить с ним в силе, то герою пародийных сюжетов всякий раз приходится прибегать к обману, пользуясь глупостью противника. Например, когда Змей в доказательство своей силы раздавил в руке камень, его соперник — человек сдавил в руке сыр (или творог), уверяя, что это камень, из которого он выжал воду. Может показаться, что и соревнование в свисте — только пародия на эпизод вроде поочерёдного выдувания Змеем и богатырём тока. Но зачем тогда понадобилось превращать дуновение в свист? И дубина — оружие совсем не пародийное. Мифологи считают, что в змееборских сюжетах дубина (палица, булава) богатыря предшествовала луку или мечу. Так что в пародийной сказочке, на наш взгляд, отразился ещё один, весьма архаичный сюжет, в котором, по-видимому, Змей пытался погубить героя свистом, а в ответ получил смертельный удар палицей. Доказать бытование в старину такого сюжета трудно, однако на то, что

существовал по крайней мере такой тип Змея, указывает ряд фактов, в частности, в литературе Древней Руси известен образ змия, который «страшен свистанием своим» (цитирую «Моление» Даниила Заточника). А от свистящего Змея один шаг до свистящего Соловья-разбойника.

И всё же, как бы там ни было, Соловей — фигура уже иного качества. Даже американский славист А. Александр, прямолинейнее всех отстаивающий понимание былинного разбойника, как трансформированного Змея, вынужден признавать, что «Соловей являет собой радикальный отход от сказочного прототипа». Например, бросается в глаза следующее. Змей восточнославянского фольклора очень подвижен; к месту схватки с богатырём он прибывает сам. Соловей же разбойник, если взять первую, мифологическую часть сюжета о нём, абсолютно статичен, да и в «историческом» продолжении сюжета он передвигается исключительно по воле Ильи. Можно, конечно, предположить, что Соловей-разбойник лучше, чем змееподобные персонажи нашего фольклора, сохранил древнюю функцию Змея-стража, охранявшего либо границу потустороннего мира (ею часто бывала река), либо сокровища. Но дело, думается, не только в этом. На формирование фигуры Соловья оказали влияние ещё какие-то загадочные образы и представления...

Многие исследователи, начиная с Ф.И. Буслаева, проводили параллель между Соловьём-разбойником и пресловутым Дивом из «Слова о полку Игореве». Характер этой связи, однако, до сих пор остаётся непрояснённым, а образ Дива — загадочным. Так что у нас есть все причины познакомиться с ним поближе.

Новгород-северский князь Игорь, не вняв грозному предзнаменованию в виде солнечного затмения, шёл с войском на половцев. «Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди; свист зверин вьста, зби[ся] Див, кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутараканьский бльван». Без перевода не очень понятно, но и перевод — дело трудное. Из-за неоднократного переписывания текста в нём накопились ошибки, не всегда даже можно быть уверенным в правильной разбивке на слова. Так, в первом издании памятника в цитированном месте была фраза «свист зверин с стазби», и переводчики долго ломали головы, что бы это значило, пока, наконец, большинством голосов не решили, что надо читать «свист зверин вьста (поднялся)», а «зби» — это усечённая глагольная форма «збися», относящаяся к Диву: «взбился (встрепенулся) Див и т. д.». С учётом этой гипотетической, но на сегодняшний день практически общепринятой поправки, постараемся разобраться в сути сообщённого.

Раскаты грома в подступивших сумерках пробудили птиц. Далее упомянут загадочный «свист зверин». Некоторые комментаторы «Слова» (например, зоолог Н.В. Шарлемань) полагали, что речь идёт о свисте потревоженных сусликов. Мысль остроумная; однако, сравнение с былиной делает возможным и другое толкование. Соловей-разбойник ведь не только свистит, но и ревёт по-звериному. Не подобное ли многоголосие сжато отражено и в формуле «звериного свиста»? Во всяком случае, контекст позволяет отнести это выражение именно к Диву: «свист звериный поднялся — (это) взбился Див, кличет на вершине дерева...». Вкупе с предшествующим упоминанием разбуженных птиц получается цельная картина переполоха на верхнем ярусе поэтического ландшафта «Слова».

Клич Дива разносится на огромное расстояние. Он слышен на Волге, на побережье моря (Чёрного? Азовского?), на притоке Днепра Суле, в крымских городах Корсуне (Херсонесе) и Суроже (Судаке), наконец, в Тмутаракани, знаменитой в ту пору, очевидно, каким-то языческим идолом («болваном»).

Смысл этого утверждения «Слова» невозможно понять, не зная реальной обстановки, в которой совершался поход. По летописному рассказу о тех событиях, разведка сообщила Игорю, что напасть на половцев внезапно не удастся, они разъезжают по степи, во всеоружии готовые встретить русских. В поэтической версии событий, созданной автором «Слова», приближение русских воинов выдал крик Дива. Следом за его криком и как бы в ответ ему скрипят («крычат», будто лебеди) телеги половцев, спешащих к Дону.

Слышимый от Волги до Тмутаракани голос Дива тоже заставляет вспомнить звуковое оружие Соловья-разбойника, обладавшее, как сказали бы военные, большим радиусом поражения. Тут, правда, нужно принять во внимание особенности художественной манеры автора «Слова». Например, он говорит про деда Игоря, воинственного князя Олега, стяжавшего себе горькую славу усобицами с другими русскими князьями: когда Олег вступал «в злат стремя в граде Тьмуторокане», от звона стремени его соперник Владимир Мономах «уши закладаше (затыкал) в Чернигове». Голос Ярославны, плачущей по Игорю в Путивле, слышен на далёком Дунае; и наоборот, по возвращении Игоря из половецкого плена «девицы поют на Дунай, вьются голоси через море до Киева». Было бы странным думать, будто автор допускал такую слышимость звуков на деле. Конечно, для него это лишь условные, поэтические формулы быстрого распространения худой или доброй вести, общей радости или печали. Выходит, и «предупреждение» Дива далёким городам и землям следует понимать как поэтическую

условность, а зычность его голоса не стоит оценивать буквально по тексту. Всё же отметим для себя, что из всех звуков, раздававшихся в ночи — а в этом же эпизоде упомянуты и голоса волков, и орлиный клёкот, и лай лисиц, — автор «Слова» выбрал для убедительности именно крик Дива. Для этого должны были быть какие-то основания в характере самого персонажа.

Но кто же такой этот Див? Ответов, предлагавшихся исследователями и переводчиками «Слова», множество. Ранние комментаторы считали Дива обыкновенной птицей — филином или удоом, крик которых навевает страх, и кажется недоброй приметой. Другие видели в нём сидящего на дереве разведчика или некий «маяк» с трещоткой, установленный половцами для сигнализации о передвижении русских. Не было недостатка и в мифологических истолкованиях Дива, от обтекаемых («зловещая мифическая птица») до вполне конкретных: леший, грифон. Его отождествляли даже с реликтовым гоминоидом, то бишь снежным человеком... Разброс мнений понятен. В сущности, автор «Слова» загадал исследователям загадку: «Что такое — сидит на дереве и кличет?» Отгадки могут выглядеть более или менее подходящими, но при том мизере информации о Диве, которая содержится в «Слове», допустимо множество ответов, и окончательный выбор из них, опираясь только на эти сведения, сделать невозможно.

Определённый просвет появляется, если рассмотреть лингвистический аспект.

Дело в том, что имя Див, несомненно, восходит к индоевропейскому обозначению сначала неба, затем — небесного божества и бога вообще (ср. древнеиндийское «дева», латинское «дивус» и т. п.). В балтской мифологии, близкородственной мифологии славян, верховным богом числился Диевас. О вероятном существовании славянского аналога, помимо общих соображений, говорит и то, что церковная литература Средневековья, бичующая пережитки язычества, кроме почитания в народе известных богов древнерусского пантеона — Перуна, Хорса, Мокоши, — отмечает и поклонение какой-то Диве.

Вместе с тем Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, видные специалисты в области мифологии, на выводы которых мы здесь опираемся, обоснованно предполагают постепенный переход Дива или Дивы с высших уровней мифологической системы на более низкие, попросту говоря, переход из разряда богов в разряд демонов, духов природы. Параллельно этот персонаж мог приобретать всё более негативную окраску. Нечто похожее произошло в иранской мифологии, где «дэвы» или «дивы», некогда почитавшиеся в качестве богов, выступают как злые духи, борьбе с которыми уделяют много сил эпические герои.

На основании всего сказанного логику формирования образа Соловья можно гипотетически представить себе так. Сказочно-мифологический Змей передал ему свою сюжетную роль чудовища, с которым борется богатырь. Тип свистящего Змея подсказал мысль сделать главным оружием чудовища свист. Пример Дива способствовал закреплению нового «звучного» персонажа в позиции «врху древа».

Индоевропейская мифология более или менее чётко различала три яруса мира — верхний, средний и нижний. Организующей вертикалью в этой модели Вселенной служил образ мирового дерева, а каждый из ярусов, будучи связан соответственно с вершиной, стволом и корнями дерева, символизировался, кроме того, определёнными животными. Символом верхнего мира, понятное дело, были птицы, к среднему миру относились волк, медведь, олень и другие звери, а представителями нижнего мира выступали пресмыкающиеся, земноводные и рыбы. Эту систему образов можно часто встретить в повествовательном фольклоре, хотя связь её с архаичной моделью мира улавливает только глаз специалиста.

Помните, где была упрятана смерть Кощея Бессмертного? Как признался он сам: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть». Чтобы победить Кощея, сказочному герою пригодилась помощь животных, которых он перед тем пощадил. Когда Иван Царевич достал из-под дуба (или из дупла) сундук, из него выскочил заяц; того догнал волк, но из зайца выпорхнула утка; утиное яйцо упало в море; из воды яйцо с Кощеевой смертью достала щука. Вся вереница образов может показаться чересчур пёстрой и бессмысленно длинной, если не разглядеть в ней динамически развёрнутую модель мира — верхний, средний и нижний ярусы с соответствующими животными плюс дерево... Та же мировая «трёхчленка», только без дерева, образует стержень былины о князе-оборотне Волхе (Вольге). Когда он родился, взволновалась вся природа — птицы улетели в поднебесье, звери в лесах разбежались, рыбы ушли в глубину. И было им чего бояться. Повзрослевший Волх использовал своё оборотничество для прокорма дружины. Обернувшись соколом, он бил гусей-лебедей; обернувшись волком, охотился на зверя; обернувшись щукою, загонял рыбу в сети. Затем с помощью серии аналогичных превращений Волх одержал победу над Индийским царством.

Стоит подчеркнуть, что в обоих случаях перед нами персонажи со «змеиной наследственностью». Происхождение образа Кощея от образа Змея достаточно очевидно, а про Волха в былине прямо сказано, что он зачат

матерью от Змея. Для Змея же связь с мировым деревом, а также способность приобретать облик другого существа характерны издревле.

В свете приведённых материалов не составляет труда объяснить, почему Соловей-разбойник свистит по-соловьиному, ревёт по-звериному, шипит по-змеиному. Как отмечают Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, три вида звуков, издаваемых Соловьём, «явно соотнесены с... тремя космическими сферами, объединяемыми образом дерева». Здесь надо принять во внимание, что Змей обычно располагался у корней мирового дерева, а на его вершине славянские источники порой упоминают соловья или соловьёв. Поскольку Соловей-разбойник статичен и опасен только своим звуковым оружием, он не превращается в животных трёх мировых сфер, а лишь воспроизводит их голоса. По этой же причине он оказался теснее, нежели Кощей и тем более Волх, связан с архаичным образом мирового дерева, которое хорошо просматривается за «фундаментальными» дубами Соловья.

Кажется, мы добились принципиальной ясности в вопросе о происхождении фигуры Соловья-разбойника. Грубо говоря, удалось понять, как из Змея могли сделать Соловья. И вот тут-то, в последнем звене логической цепочки, вдруг возникает труднопреодолимое препятствие.

Ранее у нас уже был повод отметить, что образ соловья-птицы никак не вяжется с боевой ситуацией. Теперь есть смысл продолжить эту тему. Соловьиное пение и вообще соловей («соловейка», «соловейчик», «соловушка») традиционно вызывают к себе только положительное отношение. Сравнение с соловьём было лучшей похвалой певцу, поэту, проповеднику. Историк В.Н. Татищев писал о легендарном жреце Богомиле, который «сладкоречив ради наречён Соловей»; такого же «почётного звания» удостоился от создателя «Слова о полку Игореве» великий песнотворец Боян. В народной песенной лирике соловей передаёт своим пением девушке весточку от милого (но смолкает, когда горюет невеста). В обрядовых песнях соловей, вьющий гнездо, символизирует строителя дома, устроителя семейного очага... Словом, трудно найти птичий образ, который так мало подходил бы на роль чудовища, злодея, страшного врага земли Русской. В отличие от Соловья Будимировича, былинная роль коего созвучна образам народной поэтики, образ Соловья-разбойника находится в разительном противоречии с «репутацией» соловья, установившейся в бытовом и поэтическом сознании. Само имя Соловей-разбойник, если вдуматься, — парадоксальное сочетание несовместимых понятий, что-то вроде «живого трупа» или «горячего льда».

Любопытная психологическая деталь: на эту парадоксальность до сих пор обращали внимание — по крайней мере, печатно — только нерусские

исследователи нашего эпоса. Очевидно, требуется чуточку «отстранённое» и достаточно «взрослое» знакомство с образом, который для нас с вами привычен с детства, чтобы по-настоящему ощутить заложенную в нём противоречивость и удивиться: почему соловей стал разбойником?

Именно так поставил вопрос в 1865 г. немецкий учёный К. Марте. Должно быть, рассудил он, соловьиные трели, доносившиеся «в поздний час из глубокого лесного мрака», наводили на русских страх, потому что леса были полны разбойников.

Мы думаем, на выбор имени, точнее — образа конкретной птицы, решающее влияние оказал выбор свиста в качестве оружия нового персонажа. Ну а с кем из живых существ мог ассоциироваться такой персонаж в первую очередь? Конечно же, с соловьём, который ничем, кроме свиста, и не знаменит.

Так это было или не так, но бесспорно, что именно грозный свист определяет специфику Соловья-разбойника. В конечном счёте ключ к пониманию образа следует искать здесь.

Удивительно, но факт: главная тайна Соловья-разбойника учёных практически не беспокоила.

Свист Соловья-разбойника описывается в былине трижды. Сначала о страшных последствиях свиста предупреждают Илью черниговцы, затем Соловей демонстрирует свою мощь, пытаясь остановить богатыря в Брынском лесу, и, наконец, очевидцами действия свиста и его жертвами становятся киевляне. Соответственно мы имеем возможность оценить, как соловьиное оружие влияло на природу, строения, людей, а также на коня Ильи Муромца.

Насколько можно сегодня судить об истории текста былины (обоснование этой реконструкции, интересное только фольклористам, я вынужден буду всякий раз опускать), действие свиста Соловья на природу первоначально описывалось так: земля задрожала, вода взволновалась, леса к земле приклонились. По-видимому, довольно рано эта картина стала дополняться в вариантах былины близкими по смыслу эффектами: от свиста с кряжей посыпался песок, вода в реке помутилась, леса зашатались, с деревьев посыпалась листва и т. п.

Все эти мотивы глубоко традиционны. В народной лирике соответствующие явления символизируют горе, печаль, выступают как «эмоциональная» реакция природы на убийство, войну. С тем же значением использованы они и в «Слове о полку Игореве»: когда на войско Игоря движутся половцы, «земля тутнет (гудит)» и «реки мутно текут», после же поражения русских «древо с тугою (печалью) к земли преклонилось» и

«листвие срони». Земля дрожит, а вода волнуется при появлении сказочного Змея, при рождении Волха. С деревьев летят листья, как мы помним, от свиста Змея или чёрта в шутильной форме сказки «Кто сильнее свистнет». Короче говоря, ясно, что природные эффекты для живописания разбойничьего свиста были взяты из фонда уже существующих мотивов, причём многое Соловей получил по наследству от сказочно-мифологического Змея.

Но как понимали создатели образа Соловья-разбойника и исполнители былины о нём сам «механизм» действия его свиста, почему они отбирали именно эти мотивы? Вот вопрос, который теперь выходит для нас на первый план. По большинству мотивов — волнению вод, сгибанию деревьев, шатанию леса, облетанию листвы — видно, что действие свиста Соловья-разбойника уподоблялось действию сильного ветра. Основанием для этого служило простейшее наблюдение, что свист человека вызывается струйкой выдыхаемого воздуха, а ветер, в свою очередь, шумит, как живое существо, — ведь и сегодня мы говорим о свисте ветра, вое бури, рёве урагана... Дополнительным, но очень важным фактором была давняя связь понятий ветра и птицы (их древнейшие индоевропейские названия происходят от одного корня со значением «дуть»), что проявлялось в мифологических образах птицы, взмахами своих крыльев рожающей бурю, или крылатого бога ветра.

Всё это подметили ещё первые отечественные мифологи, интерпретировавшие в соответствующем духе сам былинный образ. К примеру, А.А. Шифнер считал противника Ильи Муромца «буревым великаном», А.Н. Афанасьев тоже был убеждён, что «в образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворила демона бурной, грозовой тучи», а Н.И. Кареев задавался вопросом: не следует ли искать «мифическую подкладку» фигуры Соловья в древнерусском Стрибоге, который, как полагают (основываясь на выражении из всё того же «Слова»: «ветри, Стрибожи внуци»), мог быть покровителем воздушной стихии?

Думается, однако, что мы не вправе так сильно сблизать Соловья-разбойника с существами, олицетворявшими природные силы. От своих мифологических предшественников Соловей унаследовал масштаб деяний, но стихии ему неподвластны.

Из «лесной» сцены свиста можно извлечь ещё кое-какую информацию, однако есть смысл перейти сразу к следующей сцене — «городской». Влияние свиста на строения и предметы описано в вариантах былины следующим образом: дома зашатались, окна вылетели, крыши слетели, кресты с церковей (или маковки с теремов) повалились, столы затряслись и

напитки на них разлились. Только про первые два мотива можно с относительной уверенностью сказать, что они присутствовали в былине изначально; остальные появились позднее, однако тоже довольно давно, поскольку успели распространиться по разным локальным традициям. Какой же смысл заложен во всех этих мотивах?

Некоторые из них явно работают на идею, что свист Соловья причинял вред мощной струёй воздуха. Аналогию можно найти в летописных сообщениях о бурях: «с церковей и хоров срывало крыши», «верхи и кресты посломало со всей церкви» и т. п. Про такую малость, как выбитые бурей окна, обычно и не упоминалось...

Но гораздо яснее читается в былине другая мысль: свист вызывал сильное сотрясение. Это выражено ещё раньше, в «лесной» сцене, мотивом дрожащей земли — не случайно иные певцы начинали с него и рассказ о свисте Соловья в Киеве. А когда трясётся земля, трясутся и дома, и мебель в них, и стёкла разлетаются вдребезги. Между прочим, и кресты могут валиться не только от сильного ветра. Они, например, падали с церковей во время землетрясения, случившегося в Киеве в 1101 г. То же изображено на летописной миниатюре, иллюстрирующей рассказ о киевском землетрясении 1230 г.: покосившиеся церкви с обломанными куполами без крестов, а один крест летит вниз. Коли на то пошло, и причиной волнения вод — вспомним ещё один «природный» мотив — может быть не ветер, а землетрясение (такие факты наблюдались даже на удалённой от зон сейсмической активности Волге).

Давайте снова представим себе, что мы придумываем существо, которое обладает необычайно сильным свистом. Какое качество звука было бы естественно преувеличить прежде всего? Конечно же, громкость! А в описании его действия на людей мы соответственно подчеркнули бы, что он оглушает. Также мыслили и многие исполнители. В записях сюжета о Соловье-разбойнике встречаются указания и на громкость свиста, и на его оглушающий эффект. Последним даже пытались объяснить то, что произошло с людьми в Киеве: «Тут бояре оглушились, падают они на кирпичат пол», «лежали по часу они, ничего не слышали» и т. п. Соответствующее развитие в вариантах былины получили защитные меры от свиста. Порой Илья Муромец накрывает князя и княгиню шубой, зажимает им уши («чтоб у них перепонки не полопались», сказано в одном тексте), а то и затыкает «листочками маковыми» уши себе и своему коню перед встречей с Соловьём в лесу.

Так чем же он пугал людей — до обморока, до смерти? Некой абстрактной «силой»? Пусть так; но странно, почему создатели образа не

придумали какого-то непосредственно воспринимаемого человеком проявления этой силы, не попытались, например, гиперболизировать громкость свиста... Какой-то заколдованный круг получается. Или жертвы Соловья-разбойника падали и умирали не от страха?

Увы, мы так и не получили чёткого и целостного представления о характере действия свиста Соловья-разбойника. Не имели его и сказители XVIII–XX вв., на чьи тексты мы опирались. Всё-таки дистанция в полтысячелетия — не пустяк.

Согласно нашей реконструкции замысла былины, свист Соловья-разбойника действовал на природу и строения, как сильный ветер, а на живых существ влиял скорее психологически. Но, только в первой своей части, касающейся природных эффектов, эта гипотеза выглядит достаточно бесспорной. Воздействия свиста на постройки имеют столько общего с эффектами сотрясения, что всё это очень напоминает «взрывную» модель, а это абсурд и с точки зрения исторических условий, в которых создавалась былина (какие взрывы в Древней Руси?), и точки зрения наших знаний о натуре Соловья. Сомнения же по поводу интерпретации «человеческих» эффектов свиста высказаны только что, и нет нужды их повторять. Поэтому теперь мы обратимся ещё к одному варианту интерпретации соловьиного оружия, каковой мы до сей поры «придерживали» ввиду его откровенной неординарности. Существует ведь на самом деле звук, который и разрушает и убивает, но при этом не оглушает. Правда, его возможности стали широко известны только в наши дни.

Инцидент, приключившийся несколько лет назад на Королевских скачках в Лондоне, заставил говорить о себе британскую и мировую прессу. Жокей, который мчался к финишу первым, вдруг почувствовал мощный звуковой импульс, пришедший, как ему показалось, со стороны трибуны. В тот же миг лошадь под ним резко дёрнулась, и всадник очутился на земле. Победа была упущена.

Следствие довольно быстро нашло виновника, а с ним — и орудие преступления. Это было ультразвуковое ружьё, вмонтированное... в обыкновенный бинокль. Оно поражало на расстоянии 15 м. С помощью чудо-оружия преступник и те, кто за ним стоял, намеревались «выбивать» фаворитов скачек ради получения выигрышей на тотализаторе.

Параллель случившегося на ипподроме с былинным эпизодом настолько ярка, что не требует комментариев.

Итак, оружием Соловья-разбойника мог быть ультразвук? В исследовательской литературе этот вопрос ещё не поднимался. Между тем

идея не нова. Только прозвучала она там, куда историки и фольклористы заглядывают редко, — в научной фантастике.

В повести А.П. Казанцева «Внуки Марса», опубликованной в начале 1960-х гг., описывается ситуация, которая по тем временам казалась правдоподобной. Космонавты высадились на Венеру, а условия здесь, как на нашей планете миллионы лет назад: исполинские папоротники, гигантские ящеры... Сами герои — командир экспедиции Илья Богатырёв, инженер Добров и биолог Алёша — своими именами подчёркнуто напоминают былинную троицу. Естественно, что и сразиться им пришлось с противником под стать былинному... Это ящер, который своим свистом парализовал жертвы. Илья Богатырёв не только окрестил чудовище Соловьём-разбойником, но и победил его, вовремя вспомнив эпический способ, выстрелом в глаз. А инженеру Доброву не составило труда разгадать секрет оружия венерианского Соловья: «Это был ультразвук».

Не будем смущаться формой подачи идеи. В конце концов, мысль сама по себе разумна. Сходство результатов свиста Соловья-разбойника с проявлениями ультразвука — и в ещё большей степени, добавлю от себя, инфразвука — достаточно очевидно, чтобы стать предметом серьёзного обсуждения.

Напомним известные факты. При облучении ультразвуком мелкие животные сначала проявляют беспокойство, затем впадают в шоковое состояние и умирают — это свойство звука сверхвысокой частоты успешно используется для борьбы с грызунами. У людей слабый ультразвук вызывает недомогание, усталость, головокружение, расстройства нервной системы; сильный ультразвук, по некоторым данным, может привести к параличу или смерти. Люди, подвергнутые воздействию инфразвука, ощущают дискомфорт, безотчётный страх, теряют равновесие; инфразвук тоже может быть смертелен. Более того, он способен вызвать сотрясение и разрушение твёрдых объектов.

Главная же отличительная черта инфра- и ультразвука состоит, как известно, в том, что они практически не слышны для человека, хотя их излучение может сопровождаться и слышимым звуком — например, тем же свистом, рёвом и т. п.

Иначе говоря, человеческая смерть, разрушение зданий и прочие инфра- и ультразвуковые эффекты показались бы непосвящённому наблюдателю беспричинными, либо, в крайнем случае, ему было бы трудно объяснить их тем звуком, который слышен.

Но ведь это, если вдуматься, отличает и свист Соловья-разбойника. Былинный персонаж издаёт звук, который не оглушает, не «бьёт»

сопутствующей ему струёй воздуха — а люди почему-то умирают, падают, дома трясутся и т. д. Налицо видимая (точнее, слышимая) причина и видимые следствия, а ясной, понятной обыденному сознанию, детерминирующей связи между ними не видно; сказителям пришлось домысливать её самостоятельно.

Что же до результатов свиста, то цитаты из былины прямо-таки просятся в качестве иллюстраций пагубных возможностей звука сверхнизких и сверхвысоких частот. Особенно впечатляют параллели с действием инфразвука, который, в частности, у человека поражает органы равновесия тела. «Ой еси ты, Илья Муромец, уйми ты Соловья-разбойника, не можно мне от ево свисту в тереме ни стоять, ни сидеть», — молит князь Владимир в одной из редакций рукописной повести, и эта фраза замечательно передаёт то понимание эпизода, которое угадывается в вариантах былины. Не от внешнего, чётко обозначенного и ощущаемого «удара» попадали наземь киевляне, а от внутреннего расстройства организма, внезапно появившейся неустойчивости, каким-то непостижимым образом вызванной свистом Соловья. «Не можно» стало находиться в вертикальном положении — и всё тут.

До сих пор мы не задавались вопросом об источнике инфра- или ультразвука, другими словами — о том, кто или что, в свете этой гипотезы, может стоять за фигурой самого Соловья. В принципе прототипом Соловья-разбойника могло быть либо живое существо, либо техническое устройство, которое уже народная фантазия сделала одушевлённым. Прикинем сначала правдоподобность первой версии. Ультразвук излучают многие представители животного мира, используя его обычно для локации. Высказывались мнения, что дельфины и кашалоты с помощью ультразвуковых импульсов способны поражать других обитателей моря. Как недавно установлено, некоторые животные, например слоны, обмениваются инфразвуковыми сигналами.

Таким образом, мысль о существовании некоего издававшего ультра- или инфразвук лесного зверя, может быть, реликтового, последний экземпляр которого был подстрелен, скажем, в начале нашего тысячелетия, сама по себе не абсурдна. Но нам, следуя былинному описанию, пришлось бы ещё допустить, что это животное: а) своим ультра- или инфразвуком могло убивать людей; б) излучало инфразвук, заставлявший дрожать дома. Это уже настолько превосходит возможности, которые демонстрирует животный мир, что вряд ли биологи согласятся обсуждать такое предположение даже в качестве научно-фантастического.

Вторая версия в этом отношении кажется реалистичнее: всё, что натворил своим свистом Соловей, близко к возможностям современной техники. Но именно современной — для Древней Руси подобная техника немыслима. Остаётся только позвать на помощь, как водится в таких случаях, пришельцев из космоса. Кстати, ещё в 1970 г. востоковед И.В. Можейко, более известный как писатель Кир Булычёв, придумал эту версию (Соловей — пришелец с ультразвуковой сиреной) в качестве примера заведомой чепухи, до которой можно докатиться, если не придерживаться в интерпретации памятников прошлого строго научной методы. Что ж, фигура инопланетянина, сидящего на дереве и убивающего оттуда всех проходящих и проезжающих мимо него землян, действительно способна вызвать скептическую улыбку. Да и само пребывание на Земле гостей из космоса отнюдь не доказано, так что ссылки на них — дело рискованное...

Кстати, это обстоятельство не позволяет принять ещё одну оригинальную трактовку образа Соловья-разбойника. Её предложил историк Г.И. Босов, исследовавший очень интересное явление — архаический язык свиста, которым пользуются для дальней связи многие народы. Это не какая-то простенькая система условных сигналов, овладеть коей может любой из нас, а своеобразная имитация с помощью свиста звуков обычной речи. Отметив, что свист такой мощности, слышимый порой на расстоянии до 14 км, у близко стоящего человека вызвал бы болезненные ощущения, автор провёл напрашивавшуюся параллель: люди, владеющие этим языком, «могли бы помериться свистом с легендарным Соловьём-разбойником русских былин, в образе которого, может быть, нашли отражение какие-то смутные воспоминания о „свистящих“ лесных племенах, некогда живших в муромских лесах».

Мотив смертоносного голоса или звука встречается также в демонологии казахов и киргизов, в фольклоре некоторых африканских народов, в легендах Древнего Египта, донесённых до нас арабской историографией... У нас нет возможности остановиться на этих фактах — каждый из них заслуживает отдельного разговора и, вероятно, особого исследования. Да и задача состоит в другом. Приведённый выше перечень типологических параллелей с деяниями былинного чудовища сам по себе является важным аргументом.

Второго Соловья-разбойника в мировой словесности нет, но принципиальные элементы, из которых слеплен этот образ, ей известны. Это, по крайней мере, даёт основание считать, что свист былинного Соловья-разбойника восходит не к каким-то особым явлениям, а к неким вполне тривиальным жизненным обстоятельствам, многократно преломлённым в

творчестве разных народов в разные эпохи...
http://vtitan.ru/velikie_zagadki_istorii/pravda_o_solove-razboynike.html

Георгий Радуга <http://www.stihi.ru/avtor/graduga&book=1>

СвятоГорРА ЯсноВита Звёздно-СлавноСтан УРа *Оберега*Млечного*Пути
=8=8=8=8=8=8=8=8=*!!*!!*=7=7=7=7=7=7=7=7=

ДАНО ДЛЯ ПОДНЯТИЯ БОГАТЫРСКОГО ДУХА:

Богатырская наша сила (1979)

из кинофильма Баллада о спорте

Н. Добронравов

Здесь их можно послушать (есть 2 исполнения этой песни) и это сама страница Александры Пахмутовой:

<http://www.pakhmutova.ru/songs/ball.shtml#> Богатырская наша сила

см. также ссылка внизу плэйкаст "Богатырская Наша Сила" и вдохновляйтесь, крылья и плечи распрямляйте!!!

То не грозное небо хмурится,
Не сверкают в степи клинки, —
Это батюшки Ильи Муромца
Вышли биться ученики!

За победу их ветры молятся,
Ждут их тернии и венцы.
Разгулялися добры молодцы,
Распотешились молодцы!..

Припев:

Эх, да надобно жить красиво,
Эх, да надо нам жить раздольно!
Богатырская наша сила —
Сила духа и сила воли.

Богатырское наше правило —
Надо другу в беде помочь,
Отстоять в борьбе дело правое,
Силой силушку превозмочь.

Припев:

Эх, да надобно жить красиво,
 Эх, да надо нам жить раздольно!
 Богатырская наша сила —
 Сила духа и сила воли.

Расцвела душа от безбрежности
 И полей моих, и любви...
 Силой мужества, силой нежности
 Воспоём красоту земли!

Припев:

Эх, да надобно жить красиво,
 Эх, да надо нам жить раздольно!
 Богатырская наша сила —
 Сила духа и сила воли.

* * * БОГАТЫРИ ПРОСЫПАЙТЕСЬ!!! * * *

Дано для поднятия Духа и Силы Воли:

<http://www.pakhmutova.ru/songs/ball.shtml>

(кто потерял Силу Духа - советую послушать песню Дмитрия Гнатюка)

ДО ПОБЕДНОГО!!!! А значит до Конца! Выдержать и Победить!

Супер сильная могучая Песня! Богатыри просыпайтесь! Молодцы за Русь постоять и за всю Планету! Пусть Свобода придёт, пусть Девы расцветают... Богатырская наша Сила и Сила Духа да Сила Воли! Закаляйтесь, восходите, о Друге не забывайте никогда – БОГАТЫРСКОЕ БРАТСТВО в веках вечно живёт, Наша Сила в единении и Общем Щите и сцеплении колец кольчуги, в клине великом птиц всерусских несущих Лучей Свет Победного Белого Покрова и СветоЛучия Единства всех Народов в Боге Едином!!!! Живите красиво, дружно, раздольно, широко в Красоте, в Солнце пребывайте! Легко в Добре быть и в Доброте Сердец Чистых и в Любви и в Ладу и в Гармонии с миром и с добром!!! Аминь! Аум!

Хорошо отражает Мой Мир, песня друга, белорусского брата:

"От чего Моя Душа как Ветка Радуги пораскинулась над миром чуть дрожа и поёт на всех октавах Жизни радостно каждым утром на ресницы, сея Жар! Человечек в каждой жаринке на скрипке, для Души Твоей играет Ангел Мой,

затаённая с печальною улыбкой ждёт Она Весну Вселенскую Домой!
 Ждёт Душа Твоя невестой наречённая Жениха на ослепительном коне
 толи звёздная кольчуга золочённая толи волосы у Витязя в Огне
 ясный Взор Орлиных губ времён пронзающий и печалью усыпленные миры,
 несмеянные столетья пробуждающий, чтоб проснулись Ясный Свет богатыри,
 И промчались по родимой по сторонущке и невест своих, да полонных, да
 спасли!

Пусть летят над миром ладушки-лебёдушки восхитительные Вестники
 Земли!

От того Моя Душа как Ветка Радуги пораскинулась над миром чуть дрожа
 и поёт на всех октавах Жизни радостно в устремлённые глаза, роняя Жар!
 От того Моя Душа как Ветка Радуги пораскинулась над миром чуть дрожа
 и поёт на всех октавах Жизни радостно в устремлённые глаза, роняя Жар,
 в устремленные глаза, роняя Жар!"

(песня белорусского певца, песняра, Баяна Олега Атаманова)

* * *

Золотое облако зноя,
 Запах трав – медовой, хмельной.
 Небо, русское, расписное,
 Распахнулось передо мной.
 И прошу я, как в дни былые,
 В нескудеющем свете дня:
 - Солнце жизни моей, Россия,
 Укрепи на подвиг меня!
 1943

Как ДЕРЕВО, что кроной всё упорней
 Стремится ввысь,
 Ветвями Небо обняло, а корни
 Глубоко под землёй сплелись, –
 Так я стремлюсь душой к просторам светлым
 Грядущих дней,
 А корни там, во глубине столетий,
 В преданьях Родины моей...
 1958 Н.И. Рыленков (1909 – 1969)

Немного о своей работе.

Автор поставил цель собрать настоящую Живую Иллюстрированную
 Энциклопедию, охватывающую многочисленные грани духовного

творчества. Сотрудникам всегда рад, но по закону их всегда мало! Поэтому жду отклика, смелые и отважные?! Жду. Жду. Жду Вас давно в пути... Большинство людей не живут, а только существуют. Жить – значит действовать. Действовать надо – ждать мы устали...

Рад вашему возгоревшемуся Поиску и открытию Огня Великого в вас! Светите сердцами! Горите! Творите Любовью! Дерзайте и Растите Крылья!

Но то, что не сможет сделать один человек – призываю, сделаем ВМЕСТЕ!

По крупцам и создадим кристалл Света, который будет, как звонкий колокол будить творческий потенциал в человеке и звать его к светлому искусству и творчеству Живописания! Ом Рам! Да будет так! Отзовитесь неведомые друзья и сотрудники... Помогите строить Новую Страну!

ПОЛОЖИТЕ И СВОЙ камень на постройку «...будущего Храма. Его построим Мы в своей душе – кристаллы Духа будут кирпичами. За дело принимайтесь: вот Рассвет уже, и с нами звёзды делятся лучами...»

Жду Предложений. Советов Ваших. Жду в гости и на рериховский форум – <http://forum.roerich.info/forumdisplay.php?f=9> Георгий Радуга

Всё пригодится в БУДУЩЕМ! Можете прийти и на мой форум:

Школа "Радуга" начала работать на форуме МАНАС

<http://agni-yoga.net/phpBB/viewforum.php?f=28>

Предложить как вести работу! Предложить свои темы!

С Нами Победа, с Нами Радость, с Нами Счастье, с Нами Свет небывалый!

Идёт новая редакция и исправление, шлифовка, улучшение и дополнение, **ОБНОВЛЕНИЕ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ**, КНИГА КНИГ ЛИСТАЕТСЯ, ЖИЗНЬЮ НАЗЫВАЕТСЯ,

от вашего участия зависит тоже очень многое...

Жду, жду смелых и бесстрашных, жду, жду, жду, уже давно жду...

Автор оставляет ЗАВЕТ ВСЕМ ВАМ:

« Вся гордость Учителя в учениках, в росте посеянных им зёрен. Повторять слова Учителя – не значит быть его продолжателем. Тот является настоящим учеником и продолжателем, кто добавляет, пополняет, очищает и обновляет знания Учителя, идёт дальше и выше, лучше и прекраснее...»

ЖАР-ЦВЕТ. Жар-перо. Семицветик.

<http://www.stihi.ru/avtor/graduga&book=1>

Время, когда явлен Жар-Цвет, не может быть лёгким... Иерархия пар. 337

Жар-Цвет – мистический цветок папоротника, расцветающий в ночь на Ивану Купалу. Согласно преданиям, его добывают, чтобы приобрести способность видеть сквозь землю спрятанные клады. Легенды свидетельствуют, что удержать Жар-Цвет (не обернуться назад к прошлому при возврате из Иного Мира) не менее трудно, нежели его найти...

Н.К. Рерих также говорил по этому поводу о легенде:

«Около Фалюта на путях к Канченджанге растёт драгоценное растение чёрный аконит. Цветок его светится ночью. По этому поводу и отыскивают это растение.

Легенда русского жар-цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведёт не к предрассудку, а в тот же родник, где сокрыто ещё многое («Гималаи – Обитель Света. Адамант», 1996, с.42)».

В данном контексте Агни Йога понимает под Жар-Цветом не только и не столько тонкие экстрасенсорные способности человека, сколько духовные сокровища и накопления огненной энергии, просветляющую пространство и знаменующую эпоху Майтрейи, чьё присутствие в ауре планеты делает сегодняшние времена нелегкими и особенно ответственными...

«Как же понимают многие ОТВЕТСТВЕННОСТЬ? Ведь так мало задумываются над великим утверждением ответственности. Тот, кто принимает ответственность явленным легкомыслием или желанием самости, несёт ужасную карму. Когда даётся великое Служение на Благо человечества, то нужно соответственно нести ответственность. Когда в руках Несущего Наш Сосуд, значит, явить нужно достоинство и уважение, чтобы сосуд чудесный остался при крыльях. Истинно, присуще нести ответственность закалённым Духом и всею бережностью сердца». Иерархия, пар. 341, Живая Этика

Приходите, помогайте, вдохновляйте!

Когда земное бытие цепями оплетёт Свободу, Ты верь в Призвание Своё, как Птица верит небосводу. Пусть Крылья за твоей спиной лишь пробиваются несмело, но Час Придёт, и над землёй Ты распахнёшь их без предела! Мы Сыновья, Мы Сыновья Большой Медведицы, Мы капельки и былинки слёз в которых сияет Свет небесных Глаз, Мы Сыновья Большой Медведицы, Мы Сыновья малой Медведицы и память Звёзд к Нам возвращается, лучась, Звёзды верят в Нас! От сердца к Сердцу луч Любви сверкнёт божественною нитью, от праха душу оторви и напои небесной высью, пусть волны четырёх стихий сольются в вихрь неодолимый и Свет, как звёздные стихи, напоит нас живою Вселенской Силой. Мы Сыновья, Мы Сыновья Большой Медведицы, Мы капельки и былинки слёз в которых сияет Свет небесных Глаз, Мы Сыновья Большой Медведицы, Мы Сыновья малой Медведицы и память Звёзд Нам возвращается, лучась, струясь, светясь, искрясь...

Звёзды верят в Нас! Семья верит в Нас! (вновь протягиваю смело свою левую руку с семью звёздами Большой Медведицы тебе навстречу, друг!)
 =*. =*. =*. =*. == =*. ДОУ-МУ – «Матушка Ковша», в китайском

=====*====* буддизме, божество Света и охранительница от войн...

Ох, мячик зОлОчённый (а мОжет и белО-радужный) пОдпрыгнет дО небес и пОсрамит учёных явлением чудес! О наш мир непрОчнО сделан, но вечны небеса, катись тропинкой белой сквозь реки и леса, вертись в водовороте, подскакивай в зОле, сверкай, искрись на взлёте и падая к земле, веди сквозь тьмы и годы к желанным берегам невиданной СвОБОды к друзьям или врагам, на птицу не похожий, лети, мани, сияй, гори, свети, зови, буди, о будущем встревоженный, о прошлом говори, объявленный в легендах падучею звездой, чем кончится, поведай ПОбедой иль бедой, брататься иль бороться, всё это предстоит, лежит на дне колодца, пока ребёнок спит, пока ребёнок спит в Яслях...

<http://slavru.livejournal.com/1072.html>

В тишине подземелий, в неизменности пребывает Святая Русь. В тайных галереях, соединяющих Киев со Смоленском, Москву с Новгородом, в спокойных снах покоятся великие князья, могучие богатыри и святые отцы. В пещерах Киево-Печерской лавры лежат во мраке, словно ожидая часа своего пробуждения: богатырь Илья Муромец и Нестор-летописец, основатель Москвы Юрий Долгорукий, первый русский иконописец Алипий и первый русский врач Агапит, святые епископы — новгородец Нифонт и суздалец Симон, основатели Лавры преподобные Антоним и Феодосий.

Современные ученые получили возможность исследовать тело Ильи Муромца и установили, что это именно тот человек, о котором рассказывается в былинах. У него от рождения левая нога была короче правой — потому-то он и сидел дома «тридцать лет и три года», да и потом предпочитал передвигаться на коне, а не пешком. На старости лет Илья стал монахом Киево-Печерской лавры и был убит у себя в келье предательским ударом ножа в спину, о чем умолчали былины и летописи...

...Великий киевский князь Владимир, прозванный Красным Солнышком, использовал богатырей в лихолетье войн, а в мирное время решил избавиться от могучих воинов — отослал их от себя подальше, на южную границу Киевской Руси, чтобы защищать границы государства от набегов степняков. Всех отправил, тридцать богатырей: Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Дуная Ивановича, Чурилу Пленковича, Дюка Степановича и остальных. А во главе пограничного отряда поставил немолодого уже Илью Ивановича Муромца.

Поначалу могучие воины воевали с врагами, но быстро с ними управились — да и кто будет с русскими богатырями тягаться! И жили отныне в скуке безделья: Алеша Попович кашу для всех варил, Добрыня

писарем служил, остальные время от времени тренировались, друг с другом боролись.

Но вот однажды появился перед заставой неизвестный молодой богатырь. Ни на кого не нападал, а только силу и ловкость свою всем показывал: из лука стрелял и стрелу рукой ловил.

Послал Илья Добрыню узнать: кто таков добрый молодец и что ему нужно. А тот с Добрыней Никитичем разговаривать не стал, а сбил его одним ударом на землю, потом задом наперед на коня усадил и обратно на заставу отправил. Сам же спать в шатер отправился.

— Да что же это он над русскими богатырями насмехается! — возмутился Муромец. — Ну, погоди же! Ты со мной поборись, посмотрим, кто победит!

Вскочил Илья на коня, в степь направился. Подъехал к шатру, полог откинул, да и увидел спящего молодца: раскинулся тот на земле, будто не боялся никого и ничего на свете! «Ах ты, храбрец какой!» — подумал Илья. Хотел было срубить ему голову — уже и меч занес, да не смог: посмотрел на спящего и словно себя молодого увидел. «А ведь и я точь-в-точь такой был. Никого не боялся», — подумал он. Потом все же растолкал доброго молодца: — Ну-ка, вставай! Ответ держать будешь!

Тот глаза кулаками протер, спросил сонным голосом:

— Ну, чего беспокоишь?

— Ты за что русского богатыря Добрыню Никитича обидел? — строго спросил старик.

— А потому что я сильнее его! — улыбнулся молодец. — Да и тебя, Илья, могу в бараний рог скрутить, если того захочу.

— Ну, это еще доказать нужно! — ответил Муромец и грозно сверкнул глазами из-под шлема. — Вынимай свой меч!

— Это можно, — вроде лениво ответил молодой богатырь, и тут же внезапно бросился на Муромца.

Сталь звякнула о сталь.

Начали они мечами рубиться. И чем дольше бились, тем больше удивлялся Илья: «А ведь он, пожалуй, мне по силе не уступает. Да кто ж он такой, что о нем до сих пор не слышали?»

Мечи сталкивались с силой, звенели, тупились друг о друга, зазубривались. И вдруг одновременно сломались по самую рукоять!

Илья быстрым движением выхватил из-за пояса дубовую палицу, окованную железом, и, ухнув, опустил ее на врага, но тот в последний миг шагнул в сторону и сам нанес ответный удар. В голове у богатыря зазвенело

— он устоял на ногах, опершись на дубинку. «Старею», — подумал Муромец, а вслух прохрипел:

— Ну, все, молодец, хватит шутки шутить. Будем до смерти биться!

— А я думал, что мы лишь разминаемся, — нахально ухмыльнувшись, ответил тот, но было видно, как по щекам у него бегут струйки пота. Улыбка застыла у него на лице, когда Илья нанес удар по его шлему. Зашатался молодец и, чтобы прийти в себя, замотал головой.

— Перед смертью назови свое имя, — велел ему Муромец.

Тот ответил лишь мычанием: то ли не мог, то ли не хотел отвечать Илье.

Они продолжили битву. С глухим стуком сталкивались дубинки, летели дубовые щепки, вскрикивали могучие бойцы, старый и молодой.

Измочаленные, отлетели дубинки. Богатыри взялись за копья, стараясь поразить друг друга на расстоянии. И оба, удивляясь, думали одно и то же: «Почему я не могу поразить его? Отчего он остается неуязвимым?»

Сломались мечи, разлетелись дубинки, настал черед и копьям, а оба бойца были даже не ранены! Безоружные, они, тяжело дыша, смотрели друг на друга. Грозен был взгляд Ильи: в нем была сама смерть. Нахальная ухмылка молодца вдруг поблекла, он повернулся и побежал. В два прыжка Муромец нагнал его и, прыгнув сверху, повалил на землю. Потом перевернул молодца к себе лицом и, занеся над ним кулак, повторил свой вопрос:

— Как тебя зовут? Назовись, ибо тебе осталось жить лишь секунду!

Защищаясь от возможного удара, молодец выставил перед собой раскрытую ладонь — на пальце ослепительно сверкнул камень в массивном перстне.

— Откуда он у тебя? — изумленно спросил Муромец. — Ты его украл или взял у поверженного тобой врага?

— Мать дала, — прохрипел полупридушенный молодец: могучие колени Ильи прижимали его грудь к земле.

— Мать? — изумился богатырь и, казалось, забыв о последнем, решающем ударе, принялся разглядывать солнечный камень, вставленный в перстень.

Словно в забытии он говорил сам с собой: Но ведь это часть Алатырь-камня! Я его много лет назад подарил одной поленице-богатырке... Сынок! — вдруг вскричал Илья Муромец и, прижав к груди недавнего своего противника, заплакал. — Я чуть не убил своего сына!

— Сына? — переспросил молодец. — Ты — мой отец?

— Да, — словно эхо, отозвался богатырь.

Потом, глядя куда-то вдаль, в давно прошедшие времена, продолжил:

— Когда-то очень давно я встретил в степи богатырку. По обычаю, хотел с ней сразиться, но оказалось, что мы с ней равны — ни я, ни она не могли одержать верх. Так мы познакомились и полюбили друг друга...

— Отчего же ты не остался с ней? — вскрикнул, обвиняя, молодец.

— Отчего? Богатырки живут сами, без мужей. Нет для них ничего милее воли. Да и мы всегда на службе у князя... Прощаясь, я отдал ей этот камень, велел, если родится сын, передать ему в память обо мне...

— Лжешь! Ты бросил нас, убежал от нас, — кричал, размазывая по щекам злые слезы, сын Ильи Муромца.

Но старик, уже не слыша его обвинений, брел к заставе. Вернувшись в лагерь, Муромец сказал:

— Други мои! Сегодня я сражался с сыном своим, и чуть было жизни не лишил его! Отныне кончается богатырство мое и служба князю. Ухожу я в лавру, просить у Господа прощения за грехи свои. Не поминайте лихом.

Снял он шлем и, поцеловав его, коленопреклоненно передал друзьям своим. А потом пошел в сторону Киева.

В молчании стояли богатыри, не решаясь остановить Илью Муромца...
...Трижды постучали в ворота Киево-Печерской обители. Когда монахи распахнули створки, то увидели могучего старца — седая борода до пояса, а плечи такие, что и на трех человек хватило бы. Опирался старец на клюку, размером с боевую палицу.

— Мне к игумену, — густым басом пророкотал незнакомец.

Оробевшие монахи проводили великана к настоятелю монастыря Никону. Тот доброжелательно начал расспрашивать:

— Кто ты есть, старче? Как величать тебя? С чем пожаловал к слугам Господа?

— Ильею звать меня, — вздохнул старик. — Крестьянский я сын, родом из села Карачарова...

Ахнул святой отец:

— Да не тот ли ты богатырь, о котором матери детям сказки рассказывают? Усмехнулся гость:

— Был богатырь, да весь вышел. Сам видишь, отче, не те мои года, чтобы богатырствовать. А что до сказок про меня, так там на слово правды целый воз лжи приходится.

— Что ж там неправда? — удивился Никон. — Не ты ли тридцать лет и три года на печи отлеживался?

— Неправда! — стукнул Илья о землю клюкой. — Хотя и хромал я на одну ногу, а все ж во всем отцу с матерью пособлял. А как исполнилось мне

тринадцать годков от роду, так явились к нам добрые странники, калики перехожие, да вдохнули в меня силу чудесную.

— То ангелы Господни тебя посетили, — кивнул головой игумен.

— С годами и я это понял.

— А с пользою ли ты ту силу употреблял? — прищурился Никон. — Всегда ли на благо?

— Сам ведь знаешь, — развел руками бывший богатырь. — Как пошел в Киев через Брынские леса, да увидел у села Девятидубье, что у речки Смородины, князь древлянский Соловей Одих-мантьевич сидит, точно сыч в дупле, да за переправу плату непомерную берет, так взыграла во мне кровь, не утерпел, стрельнул по супостату. Ну и потом разбойников бил, с врагами расправлялся, Чернигов освобождая...

— А не ты ли на Соколе-корабле по морю Хвалынскому плавал, да на прибрежных жителей страх наводил?

— Озоровали, чего уж тут, — признался Илья. — Однако, много с того времени воды утекло. Пришла пора о спасении души подумать.

— Чего ж ты хочешь? — спросил Никон.

Могучий старец неловко опустился на колени, попросил:

— Пришел просить тебя, отче, принять меня в обитель монахом. Хочу старость свою провести в молитвах и служении Господу.

Ничего не ответил игумен, но трижды бросал на землю ножницы, проверяя гордыню послушника. И богатырь с покорностью поднимал ножницы.

После этого Никон сам крестообразно состриг седые волосы Ильи Муромца.

С тех пор не было более смиренного монаха в обители, безропотно он исполнял самые трудные работы. Только вот с трудом вмещал свое богатырское тело в узкую келью. Там и нашла Илью коварная смерть — тенью проскользнул некто, ударил кинжалом в спину молящегося монаха, прошептал, точно змея:

— За мать, за себя...

Узнал ли сына Ильи — неизвестно, только остался он стоять перед иконой, будто и не оставила душа этого огромного тела.

Похоронили его в глубоких пещерах, и лежит он там, будто спит вечным сном... Частица его руки хранится в раке в Спасском монастыре в отдельном приделе.

..Уникален климат киевских подземелий, удивительны свойства этой почвы, а, может, благодаря святости этих мест возник в Лавре пантеон русской славы, которого нет ни у одного народа в мире.

Каждый год обнаруживаются провалы под старинными киевскими храмами, открывающие входы в тайные галереи, ведущие в Киево-Печерскую лавру. Многие верят, что эти ходы ведут значительно дальше — из Киева в Смоленск, в Москву, Новгород и в Печерский монастырь, что в Псковской земле, на самой границе России...

<http://slavru.livejournal.com/1072.html>

Сохранились также двухэтажная **Покровская церковь** 1691 года, которая также является одним из основных хозяйственных строений монастыря, настоятельский корпус 1687 года, братский корпус и стены с башнями, построенные уже в XIX веке. Покровская церковь необычна тем, что сама церковь находится на втором этаже, а в первом этаже помещаются пекарня, поварская и кладовые.

Козьмодемьянская церковь была построена в честь победы над Казанью в 1556—1564 годах на месте старой деревянной. Церковь строилась на деньги прихожан, среди которых были самые богатые купцы Муром. Соответственно, и церковь построили одну из самых красивых в городе.

Архитектором храма, возможно, был Посник Яковлев, строивший московский храм Василия Блаженного (Покровская церковь возле Кремля). Церковь имела высокий шатер, похожий на башню или дозорную вышку, но он обрушился в 1868 году и не был восстановлен.

После обрушения шатра иконы и церковную утварь перенесли в расположенную неподалеку Церковь Смоленской иконы Богоматери, после чего она получила название Новой Козьмодемьянская церкви.

Церковь во имя св. Николая Чудотворца "Набережного" названа так по своему положению на береговой террасе реки Оки. Некогда неподалеку находился Муромский кремль, но в конце XVII века все постройки кремля были разобраны по приказу Екатерины II, а ров засыпан. Центральный храм кремля — собор Рождества Богородицы — был уничтожен в советское время.

Церковь Николы Набережного была построена в 1700-1717 годах в модном тогда стиле барокко. Интерьер храма украшает резной позолоченный иконостас, в котором, наряду с традиционными иконами были представлены и изображения двенадцати сивилл, написанные известным местным художником А.И.Казанцевым.

Муромский историко-художественный музей привлекает, прежде всего, величиной и качеством фондов. Здесь хранится уникальная археологическая коллекция племени Мурома, коллекция древнерусского искусства, в основе своей происхождения из местных храмов, коллекции, собранные графами Уваровыми, представлены интересные экспозиции городского купеческого быта.

Музей располагается в центре города в четырех зданиях, которые являются памятниками архитектуры. Дом купцов Зворыкиных содержит исторические коллекции и собрание древнерусского искусства, а также экспозиции одежды XVIII—XX века, изделий из металла XII—XX века, деревянных изделий и мебели XVI—XX века.

В здании бывшей городской управы расположена **художественная галерея**, включающая собрание русской живописи XVIII—XX веков и западноевропейской живописи, с картинами многих известных художников. Особенно интересна коллекция муромских купеческих портретов. В дом-музее Ивана Семеновича Куликова, принадлежащем наследникам художника, представлены живопись Куликова, ученика Репина, и часть его этнографической коллекции. А в особняке на Московской улице находится выставочный центр.

Муром – чисто русский глубинный город.